

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ

ЕВГЕНИЙ НАУМОВ
АНТИМАФИЯ

СПЕЦВЫПУСК

«ИНФОРМСЕРВИС»

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ КЛУБ ДРУЖБЫ И СОЗДАНИЯ СЕМЬИ

ПОМОЖЕТ Вам найти друга, единомышленника, создать семью. В чем загадка любви с первого взгляда? Может, она в психологической и биоритмической совместимости людей? Специалисты фирмы посчитают эти факторы, опираясь на современные научные методы и компьютерную технику. Наше преимущество — высокое качество и скорость обслуживания. Мужчинам предоставляются льготы. Наш клуб сотрудничает с американской фирмой "Рашен Американ Романс". Может оказаться, что Ваш суженый живет в США или Японии.

СОСТАВИТ Ваш индивидуальный Гороскоп по основным направлениям Вашей жизни на основе древнеиндийских предсказаний. Специалисты осветят вопросы: здоровья, карьеры, учебы, любви, приключений. Индивидуальный Гороскоп поможет Вам отказаться от рискованных поступков, вернее найти путь к жизненному успеху.

ПОМОЖЕТ снизить вероятность несчастных случаев и травм на производстве (особенно водителям автопарков), составляя ежемесячно индивидуальный график благоприятных и неблагоприятных дней в соответствии с Вашими биоритмами.

ПИШИТЕ нам по адресу: 105215, Москва Е-215, А/Я 10, "Информсервис". В письмо не забудьте вложить пустой конверт с Вашим полным адресом — в нем мы вышлем Вам условия обслуживания и анкеты. На письме к нам сделайте соответствующую пометку "З", "Гороскоп" или "Биоритм".

Евгений НАУМОВ

АНТИМАФИЯ

ПОВЕСТЬ

© МП «КОДЕКС»

Москва, 1992 г.

Содержание

Евгений НАУМОВ

АНТИМАФИЯ 3

Редактор выпуска С. О. Чеботарева

Художник В. А. Мокрушин

**Художественно-техническое
оформление Т. П. Мощалковой**

Корректор В. И. Таранова

ЛИКА не шла, а, как всегда, словно летела над тротуаром. Белокурые волосы развевались, большие серые глаза сияли, щеки раздумянились. На ней все было «фирмовое»: нейлоновая куртка-балахон нараспашку, под ней не то майка, не то кофточка с надписью наискось высокой груди «On a o a», штаны с крупными желто-голубыми полосами, мягкие белые мокасины. Золотые серьги колесами, на шее серебряный крест на цепочке. И широкая улыбка, обнажавшая ровные белые зубы, на щеках ямочки. Встречные мужики провожали ее ошарашенными взглядами.

Игорь нервно курил, ожидая ее на углу. Одну руку держал за спиной. Она подлетела, прижалась, потерлась щекой о его плечо. Он вытащил из-за спины темно-красную гвоздику.

— Ой! Спасибо, — она сунула цветок в нагрудный кармашек куртки. — Но сейчас не модно встречать девушек цветами.

— А чем модно встречать? — он улыбался радостно-глуповато и ничего не мог с собой поделать.

— Сигаретой, милый. Мы ведь тоже пухнем без курева, а нам талоны на него не выдают, как вам, мужикам.

Что-то царапнуло его по сердцу, но он безропотно протянул пачку «Космоса».

— Не «Кэмел», — двумя пальчиками она вытащила сигарету, — и не «Марлборо», но сойдет.

— Где сейчас «Марлборо» найдешь? Говорят, американцы нам миллиард пачек подарили, а торгаши умудрились и миллиард украсть.

Она машинально разминала сигарету.

— Знаешь, как наших шпионов за бугром ловят? Они всегда разминают сигареты. Ты что, тут и будешь смолить?

Лика спохватилась и спрятала сигарету в сумочку.

— Ладно, потом. Какая программа на сегодняшний вечер?

— Ты предлагала пойти на дискотеку.

— Так идем! — она схватила его за рукав, и вдруг глаза ее удивленно округлились. — На тебе новый костюм!

Он довольно улыбнулся. Наконец заметила. На этот костюм он копил деньги из своей тощей юрисконсультской зарплаты несколько месяцев.

Она отступила на шаг и осмотрела его с ног до головы.

— Ты это... купил или тебе сшили? — на лице ее было замешательство, улыбка исчезла. Обошла вокруг.

— А что? Купил. Последний крик моды.

— И в этом ты хочешь идти на дискотеку? — она вдруг захохотала так, что на нее стали оглядываться прохожие. В хохоте звучали истерические нотки. Он беспокойно завертел головой, хотя уже вроде и привык к резким перепадам в ее настроении.

— А в чем еще? Вполне приличный костюм.

— Вытяни руки! — закричала она. — Вытяни руки.

Он послушно вытянул руки, и она захохотала еще пуще, слезы брызнули из глаз. Бросилась к нему и спрятала лицо на груди. Смех перешел в рыдания, вырывались бессвязные слова:

— Я знала, что ты охломон... но чтобы до такой степени... охлос, вокруг охлос и невежество... приличный костюм... да лучше бы ты пришел в майке и лыжных шароварах... неужели ты думаешь, что я буду вечно позориться...

Он крепко сжал ее локти и отстранил от себя.

— В чем дело?

Ли́ка вытащи́ла из сумочки платок и вытерла слезы. Потекло́в туши́ не было́, она́ почти́ не употребле́ляла космети́ку. Но два кру́жка иску́сственны́х румя́н на ще́ках сле́гка поблекли́.

— Ты сме́трел в зе́ркало? — подня́ла она́ глаза́.

— В че́м де́ло? — повто́рил он ти́хо.

— Э́то ве́дь не ко́стюм. Э́то оде́яние но́мер один для о́городно́го чу́чела. Или́ для сове́тского че́ловека, что́ одно́ и то́ же, — как все́гда, она́ не вы́бирала выра́жений, а би́ла наотма́шь. С де́тства при́выкла, и ей проща́ли. До́чь крупно́го функцио́нера. Та́ким проща́ли. — Э́то ие́дь бра́к. Шо́в на спи́не криво́й, один рука́в коро́че друго́го, в карма́ны бу́дто кирпи́чей наложи́ли... Его́ то́лько в у́рну вы́броси́ть. Ты ви́дел, в че́м при́ходят ма́льчи́ки на ди́скотеку?

— Не́т, я не ви́дел, в че́м при́ходят ма́льчи́ки на ди́скотеку, — ли́цо его́ ста́ло бе́лым, как сте́на. Но ее́ уже «по́несло».

— Та́к наде́нь что-нибу́дь при́личное и по́йди посмо́три! — она́ не́рвно вы́хвати́ла из сумочки́ сига́рету и заку́рила, не обра́щая внима́ния на прохо́жих. — Откро́й, на́конец, свои́ глаза́ и по́йми, что́ лю́ди да́вно жи́вут в ино́м изме́рении!

— Лю́ди? Ка́кие лю́ди?

— Не та́кие, как ты! А те, кото́рые уме́ют жи́ть!

— Ах, э́ти, — снова́ они́ верну́лись к той то́чке, откуда́ начи́нались их ра́здоры́ и скло́ки. Ско́лько их уже́ было́! Он не по́мнит. Из-за э́того до си́х пор и не по́жени́лись, хо́тя их отнóшения при́обре́ли уже́ до́вольно о́преде́ленный ха́рактер. Неи́звестно, что́ ей на́пела ма́ма после́ перво́го зна́комства́ с ним, или́ как он на́зыва́л, «смотри́н», но э́то я́вно с ее́ слов Ли́ка с того́ дня при́ня́лась воспи́тывать́ и поуча́ть его́. Моло́даясь ва́льяжная́ да́ма, ни́когда́ не зна́вшая, что́ та́кое ра́бота. Все́ необходи́мое ей при́вози́ли на ква́ртиру ра́сторопные хо́луи на ле́гковых маши́нах с «непри́касае́мыми» но́мерами. «Охло́с» — э́то ее́ люби́мое выра́жение. «Ах, во́круг та́кие охло́моны, ха́мы! Гру́бые, неотеса́нные, злб́ные...» «А за́ что́ вас люби́ть?» — ду́мал он то́гда с непри́язню. Мо́гла ли она́ допу́стить, что́бы ее́ Ли́ка, вы́росшая́ в хо́ле и не́ге, прозя́бала́ с му́жем, жи́вущим по́стоянно́ за «че́ртой бе́дности»? — Ах, э́ти. Зна́чит, ты ме́ня с кем-то́ пере́путала́. Ну что́ ж, я по́йду́ и переоде́нусь во что́-нибу́дь бо́лее при́личное. Но в ди́скотеку́ не жи́ди. Про́щай.

— И́горь! Подо́жди... — сза́ди зашу́ршали мо́каси́ны. — Ну, я по́горячи́лась. Но по́йми... ве́дь на́д нами́ бу́дут сме́яться. Сей́час во́обще́ в ко́стюмах не хо́дят на ди́скотеку́.

Он ре́зко остано́вился.

— Да, ты пра́ва, — сказа́л с го́речью. — Я неве́жа. Ибо́ воспи́тан неве́жами́ и в неве́жественно́м обще́стве. Но я выда́вливаю́ из се́бя неве́жество, хо́тя оно́ дае́т зна́ть о се́бе то́ тут, то́ там. А ты в неве́жестве́ по́гряза́ешь все́ глуже́. И в э́том те́бе помога́ют твои́ роди́тели.

До си́х пор он не касался́ за́претной то́пы, и глаза́ ее́ возму́щенно вспыхну́ли.

— О мои́х роди́телях по́молчи́! Они́ всю жи́знь за́бота́тся обо́ мне. Что́ ты мо́жешь об э́том зна́ть, де́тдоми́вец! Где́ твои́ роди́тели?

Он сжа́лся. Зна́ет, куда́ би́ть. Оте́ц по́ пьянке́ уто́нул, ма́ть подки́нула́ его́ в До́м ре́бенка́ и про́пала́ неи́звестно́ куда́. Обы́чная́ сове́тская́ се́мья. Он вы́рос в суро́вых усло́виях, и в де́тстве́ его́ не бала́вали э́клерами́.

— Ну что ж. Можешь гордиться своими родителями. Они всю жизнь сидели на шее у народа. Но их время кончается. А на самом деле это настоящие невежи под маской респектабельности. И тебя они отметили печатью невежества на всю жизнь. Хоть бы в словарь заглянули перед тем, как давать тебе имя. Ба-зи-ли-ка! Да такого имени во всем христианском мире нет! Как будешь в церкви венчаться?

Глаза ее злобно сузились, она изогнулась, словно готовясь вцепиться ему ногтями в лицо.

— Буду... но не с тобой, — прошипела она. — Иди, христианин, и не оглядываясь, чтобы я не видела твою охломонскую рожу!

Не отвечая, он повернулся и пошел. Последнее слово всегда нужно оставлять за разъяренной женщиной и тупым начальником, чтобы не уподобляться им.

— Костюмы назад не принимаем, — молоденькая, но уже совершенно наглая продавщица в фирменном халатике и с прыщавым, каким-то мучнистым лицом презрительно оттолкнула от себя сверток. — Может, вы не у нас купили. Чека нет.

Он с ненавистью посмотрел на нее.

— Такие костюмы продаются только у вас. Это брак. Можете посмотреть, — он развернул сверток. — Шов на спине кривой, один рукав короче другого. Карманы пузырятся.

Она небрежно отвернула лацкан, и глаза ее просияли.

— А где бирка? Оторвали? А может, вы у спекулянта купили? А к нам лезете. Отойдите, гражданин, не мешайте работать.

— Я вам не гражданин, — процедил он сквозь зубы. — Я покупатель, который всегда прав. Неужели вам не говорили?

Она хихикнула, но на лице смеха не было.

— Ой, не смешите.

Он вдруг вспомнил и торопливо пошарил в боковом кармане костюма. Машинально сунул, когда оторвал.

— Вот бирка! Ваш костюм, смотрите.

Девушка не шевельнулась.

— Она оторвана и недействительна. Должна быть на пломбе. Может, вы от костюма у нас оторвали.

— А еще я бабушку зарезал и деньги ее украл. Что вы из меня жулика делаете? То у спекулянта купил, то бирку украл... Сами тут... жулье!

Это была ошибка, и уже поднаторевшая, несмотря на молодость, продавщица сразу оживилась.

— А вы нас жуликами не обзывайте, а то сейчас милицию вызову! — на ее визг стали лениво подтягиваться другие. Сытые, бесстыжие, агрессивные, они привычно изготовились накинуться скопом на бесправного покупателя и втоптать его в грязь.

— Шо тут такое? — властно спросила самая жирная и, по-видимому, старшая. «Ну почему они такие наглые?» — с тоской подумал он.

— Вот, бракованный костюм купил. Тут не заметил, а пришел домой, надел...

— Игде тут брак? — жирная небрежно перекинула костюм.

— Никакого брака нет, — тут же вклинилась прыщавая. — Костюм нормальный. Покупают, а потом сами не знают, чего хотят. Чека нет, бирка оторвана!

Жирная понимающие качала головой.

— Возврат? Какой может быть возврат без чека? Нет-нет и не просите, малдой человек. Хотите, чтобы всех нас наказали? Поменять еще можно, в виде исключения...

Игорь с ужасом посмотрел на ряды висевших темно-сичих чудовищ.

— Ничего я не буду менять. Верните деньги. Лучше в комиссионный пойду...

Среди продавщиц послышались смешки.

— В комиссионный! Там за эти деньги и штанов не купишь. Лицо старшей стало каменным.

— Нет. Ничего не выйдет. Не имеем права.

— Дайте жалобную книгу! — это прозвучало жалко, на лице старшей промелькнула торжествующая улыбка.

— Она у директора на проверке.

— Почему у директора? Где директор?

— Он сейчас занят.

— Где директор, я спрашиваю? — свистящим шепотом спросил Игорь. Старшая, опытным взглядом определившая, что покупатель «завелся» и уже не отступит, небрежно махнула рукой.

— Там.

Он сгреб в охапку сверток и направился к служебному входу. Вслед послышались издевательские смешки.

Последнюю фразу заведующая секцией сказала наобум, чтобы назойливый покупатель отвязался, но директор фирменного магазина «Одежда» Борис Антонович Барсуков был действительно занят, хотя и довольно странным делом. Сидя за столом в своем вращающемся кресле, он тщательно пересчитывал солидную пачку денег. Чувствовалось, дело это для него привычное — купюры неуловимо мелькали в его ловких пальцах.

Сидящий напротив верный помощник, телохранитель и шофер (у него было еще много негласных обязанностей, за которые он получал отнюдь не шоферскую зарплату) Валера не отводил зачарованного взгляда от рук хозяина. Широкое обветренное лицо его по обыкновению ничего не выражало, лишь затаенно поблескивали щелочки глаз. Он с достоинством носил кличку Кувалда. Достаточно было взглянуть на его кулачищи, и кличка становилась понятна.

Десять тысяч! Он только что доставил ежемесячный «ясок» от заведующего филиалом магазина и теперь являлся как бы свидетелем контрольной процедуры.

Считая, директор время от времени поглядывал на Валеру и подмигивал левым глазом, словно призывая его к некоему тайному сговору. На самом деле невинное подмигивание, которое директор иногда объяснял непосвященным стойким тиком левого века («нервная работа!»), было тончайшей проверкой собеседника «на вшивость», как говаривал Борис Антонович. Оно неуловимо переводило взаимоотношения в иную, неофициальную плоскость доверительности, сокровенных просьб и полуподпольных сделок. Среди своих директора звали Моргунок.

Закончив считать, он умело подравнял пачку и подмигнул.

— Тютелька в тютельку, как у лилипутов

Валера шумно, как конь, вздохнул.

Раздался резкий стук в дверь, и в кабинет стремительно, так

что директор еле успел прикрыть деньги газетой, вошел Игорь. Опытным взглядом Борис Антонович тотчас определил в нем покупателя (в руках полурастерзанный пакет с костюмом), пережившего только что жестокую схватку с продавщицами: «Его изрядно потрепали». Директор откинулся на спинку кресла и сомкнул пальцы на животе.

— Почему врываетесь? — глаза его сузились и скользнули по газете: все ли прикрыто. — Не видите, я занят.

— Я не врываюсь, а постучал!

— Что это вы кричите в моем кабинете? — в голосе директора ясно прозвучала угроза. Игорь взял себя в руки.

— Если вы заняты, я могу подождать, пока освободитесь.

— Ну хорошо. Что у вас там?

— Костюм. Купил его, толком не рассмотрев, а дома оказалось, что брак. Вот, посмотрите сами. Хочу сдать его назад, а не принимают. Как я буду такое носить?

В отличие от продавщиц директор внимательно рассмотрел костюм, проверил швы, карманы, подкладку, отвернул лацканы. Но мог и не смотреть — эту партию явного брака ему поставила одна из местных дружественных фабрик, и продать ее нужно было во что бы то ни стало. Борис Антоновичу перепал солидный куш, и он обещал премиальные продавцам. Вот почему они так остервенелись. Впрочем, они остервенелись бы и без ожидаемых премиальных — это было их обычное состояние, покупателей они ненавидели лютой ненавистью, как все советские продавцы. Хотя точно так же ненавидели своих клиентов работники сферы обслуживания, общепита, учреждений.

— Ну, и почему же у вас его не приняли? — голос прозвучал сочувственно, и это ввело Игоря в заблуждение.

— Понимаете, чек я выбросил, а бирку оторвал, когда надел костюм. Но она вот здесь в кармане...

— И вы пошли к директору, чтобы он дал указание продавцам нарушить правила торговли, которые обязаны выполнять, — продолжал директор тем же сочувственным тоном, но теперь он звучал издевательски. — Вы отрываете бирку, выбрасываете чек, а мы должны выполнять ваши капризы. О нас не подумали, а мы должны думать, как этот костюм оприходовать и продать.

— Зачем продавать? Верните на фабрику — это явный брак!

— Да? И вы думаете, на фабрике примут? А оторванная бирка? Как мы докажем, что это их изделие? Или нам заняться подделкой пломбы, фальсификацией? Вы в тюрьму нас толкаете?

— Но...

— Когда вы заметили, что это брак?

— Вчера.

— Где? Дома, на улице?

— На ул... то есть дома. Когда надел.

— Дома, — пальцы директора быстро отвернули обшлага брюк. Игорь явственно увидел слегка запыленную полоску, какое-то пятнышко... Он тогда долго бродил по улицам, ничего не замечая. Вот и испачкал брюки, а дома не почистил, олух царя небесного! Директор хитро посмотрел на него и подмигнул.

— Носили, а? И даже, может быть, на танцы ходили?

— Не ходил я на танцы!

— Но вообще носили. А ношеное мы не только не принимаем, но и не обмениваем. Стыдно, юноша! Купили костюм, носили, а теперь хотите сдать обманом. Стыдно!

Игорь вспыхнул.

— Это вы продали его обманом! Вам должно быть стыдно! Я такие деньги заплатил... — по лицу директора скользнула насмешливая улыбка, Игорь осекся. — Дайте жалобную книгу!

— Не дам, — спокойно ответил тот.

— Это почему? — опешил Игорь. — Не имеете права...

— Имею. Она выдается для обоснованных жалоб. А вот вы не имеете права писать. Где вы работаете?

— Не ваше дело. Дадите книгу жалоб или нет?

— Не дам. Мало ли что вы там напишете. Может, похабщину какую, — директор снова подмигнул. Игорь понимал, что над ним явно, чудовищно издеваются, и не знал, что делать. К такой наглости не был готов. Он смотрел на развалившегося в кресле человека, насмешливо улыбающегося, с лоснящимся, смуглым лицом и реденькими, зачесанными назад волосами и чувствовал, что сейчас случится что-то страшное.

Наверное, вид у него был действительно отчаянный. Ухмылка сбежала с лица директора, он тревожно взглянул на своего телохранителя. Он сразу же встал, шагнул к Игорю и взял его за локоть. Тот шарахнулся, вырвал руку.

— Что такое? Чего вы хватаете?

— Идите, — сказал директор. — Мне некогда. Валера, проводи.

И он снова подмигнул. Не ведал, к чему приведет это подмигивание... Валера сгреб со стола костюм вместе с полиэтиленовым мешком, сунул в руки Игорю. Потом повернул к двери и, сильно подталкивая в спину кулаком, выпроводил.

Игорь слепо шел через магазин на бесчувственных, деревянных ногах, держа в растопыренных руках неряшливо свисавший костюм, провожаемый злорадными взглядами и смешками продавщиц, все еще чувствуя спиной жесткий кулак, вытолкавший его вон.

Вышел из магазина, растерянно посмотрел на костюм в руках. «Зачем это?» Свернул, сунул в мешок, бросил в урну. Да, Лика права. Не заметив, как за стеклом витрины мелькнуло непроницаемое лицо Валеры, пошел неверной, спотыкающейся походкой.

И вдруг перед ним словно молния сверкнула! Он остановился огулненный. Повернулся и бросился назад. К урне уже подбирался, боязливо озираясь, потрепанный субъект с сизым носом. Но едва тот протянул руку к пакету, Игорь грубо толкнул его, выхватил пакет и пошел в другую сторону.

Теперь походка его была уверенной и твердой. Хотя на губах застыла кривая улыбка.

— Закрой дверь, — отрывисто бросил Борис Антонович, когда Валера вернулся. — А то врываються всякие... недоноски.

Валера послушно нажал на кнопку замка. Тот щелкнул. Молча вернулся на свое место.

— Ишь ты. Деньги ему верни, — директор все еще не мог успокоиться. Внешняя бесстрастность далась ему с большим трудом. Выдвинув ящик стола, бросил в рот таблетку, разжевал. — Разорвал бы его, стервец! Двести рублей... большие деньги. Ха! Вот и носи за двести, это как раз для тебя, будущий гегемон. Да еще с кривой спиной. А, Валера?

— Сдается мне, что он из шайки Кости Фармацевта, — неожиданно сказал тот. Директор откинулся в кресле, как от удара.

— Фармацевта? Ты сказал Фармацевта? — смуглое лицо его побледнело. — Он ведь в Харькове! А может, в столице. Говорят его видели на последней сходке авторитетов. Что знаешь, говори!

— Слушок прошел... скоро здесь появится. А может, появился.

— Кто тебе сказал?

Валера промолчал. Директор испытующе смотрел на него. Вряд ли Валера ошибается. Если уж он говорил, то это, как правило, подтверждалось. Источники у него надежные.

— Уж больно парень крепкий, — пробормотал верзила. — А выдает себя за простачка, студента вроде. Бедный студент! Вышел и бросил костюм в урну.

— Да? Вон оно что... А ну, пойди, принеси.

Тот махнул рукой.

— Там алкаш один... отирался. Засек. Ищи-свищи.

Директор надолго задумался.

— Говоришь, крепкий?

— Ну. Накачанный. Думал, хлопоты с ним будут. Но ничего, пошел. Видать, Фармацевт прислал с обычной проверкой. Его почерк. А вошел как? Студенты так не входят.

— Точно. Но при чем тут костюм? Зачем костюм?

Валера пожал широкими плечами. Это уж не его ума дело.

— Видать, решил посмотреть, чем мы тут промышляем, определить сумму, — директор озабоченно завернул деньги в газету, спрятал в боковой карман. Валера проводил их затуманенным взглядом. О чем он думает? Надежный человек. Но Борис Антонович знал, что ныне надежных людей нет. Особенно в том мире, где он вращался, в мире чистогана. Поскользнулся — и пальцы самого надежного сомкнутся на горле. Он пожевился.

— Значит, Фармацевт. Не ожидал его так скоро...

Он стоял в полутемном подъезде, крепко стиснув зубы, и ждал. Было уже поздно, сквозь мутные, давно не мытые стекла дверей виднелась плотная чернильная мгла. Тусклая лампочка где-то на третьем этаже сеяла слабый свет. Снаружи доносились шум затихающего города.

Правая нога затекла, он чуть шевельнулся, машинально перенес тяжесть тела на левую.

У подъезда послышался рокот мотора подъехавшей машины. Хлопнула дверца, донеслось окончание фразы:

— ...как всегда, в девять, Валера!

Чертыхаясь, Борис Антонович вошел в темный подъезд, поскользнулся — ну когда, наконец, наведут порядок в доме? Лампочки без конца крадут, ступени выщерблены, перила обломаны, стены ободраны, расписаны похабщиной. Квартирка у него, как лялечка, не отделявать же ему и подъезд? Все равно без толку. Живут, как на вокзале — пакостят, плюют, гадят... Совки!

Чья-то жесткая рука сгребла его за лацканы, рванула и задвинула в угол. Борис Антонович, сразу внутренне ослабев, мешком ударился о стену, разглядел смутный силуэт в шляпе.

— Что вам нужно? — залепетал он.

— Уже не помнишь меня? — голос был ровным, угрожающим, казалось, человек говорит сквозь зубы.

— К-кого... кого?

— Я у тебя костюм купил. Сам знаешь, какой. Вот он на мне,

можешь пощупать. А сегодня приходил обменивать. Как ты со мной разговаривал, скот?

«Костя Фармацевт! — блеснуло в мозгу Бориса Антоновича. — Его человек...»

— Двести рублей. Для тебя, конечно, не деньги. Но сейчас придется рассчитаться за все!

— Я... я не знал. Если бы вы сразу сказали...

— Что сказал?

— Что вы от Кости...

— Я сам от себя. Ты будешь еще, сволочь, продавать людям говенные костюмы? — рука оторвала Бориса Антоновича от стены и снова припечатала так, что у того зубы лязгнули. Он почувствовал неумолимую беспощадную силу незнакомца.

— Нет, нет! Клянусь! Завтра же уберу всю партию из магазина. Я... я... — Моргунок совершенно обезумел. — Можете прийти проверить. Клянусь!

— Проверить... — процедил Игорь. — Но сначала я разобью в кровь твою поганую рожу, оборву уши, перелому ребра. За все!

— Но Костя... Косте я всегда... — в диком отчаянии, охваченный животным страхом, Моргунок нащупал в боковом кармане газетный сверток, выхватил его и стал торопливо закидывать в руку, потом в карман плаща незнакомца. — Вот возьмите. Передайте Косте, он все поймет. Передайте, передайте Косте!

— Что это? Что вы мне суετε? — Игорь откачнулся. Воспользовавшись его секундной растерянностью, Моргунок вырвался, бросился вверх по лестнице, крича на ходу:

— Катя! Катя, открой!

Это произошло так быстро, что Игорь в замешательстве застыл на месте. Что делать? Бежать вслед за обидчиком? Но сверху уже открылась дверь, послышался взволнованный женский голос. Как он юркнул между руками! Сейчас позвонит в милицию. Надо смыться.

Выйдя из подъезда, Игорь повернул и быстро зашагал по улице, стараясь как можно дальше отойти от опасного места. Петлял переулками, пока не вышел на ярко освещенную рыночную площадь. Тут облегченно вздохнул, остановился, чтобы закурить. Рука натолкнулась в кармане плаща на толстый пакет. Он вытащил его и подошел к фонарю. Развернул. Объемистая пачка денег, перехваченная резинкой. Купюры крупные. Он ошарашенно смотрел на деньги. Вдали послышались шаги.

Игорь торопливо сунул сверток в карман и пошел прочь без мыслей, без желаний, почувствовав вдруг огромную усталость. В ушах у него звенело.

— А я говорю, что это был человек Кости Фармацевта! — Моргунок даже забрызгал слюной. — Его рука. Правда, сработала грубо, но верно. Откуда он узнал, что мне в тот день привезли ясы? У него разведка дай Боже...

Сидящий перед ним председатель райпотребсоюза Леонтий Иванович Аргамачов недоверчиво покачал головой. Это был человек рослый, громогласный, матерщинный и красноречивый — за глаза его называли Ряха. За широкой спиной председателя стояли в ряд переходящие красные знамена — начиная от районных до самых-самых... Все они были завоеваны не самоотверженным

трудом коллектива, а щедрыми подношениями высшему начальству, приписками, махинациями, богатыми застольями.

Если во времена застоя Леонтий Иванович процветал, то теперь, в обстановке хаоса и неразберихи «перестройки», катался как сыр в кооперативном масле. В его магазинах появились отшельники местных кооперативов, которые за бешеную деньги гнали свои поделки: доморощенные джинсы, варенки, куртки, платья, чеканку, открытки и плакаты с голозадыми девками, гороскопы, брошюры «Исповедь гомосексуалиста» и прочую дребедень. Часть бешеной деньги оседала в широких карманах райпотребсоюза и самого Аргамакова. Взятки здесь стали таким будничным делом, что их совали почти открыто, то и дело роняя деньги на пол.

Ряха снял уважаемые закордонные очки и задумчиво крутил их в волосатых пальцах.

— Это беспредел, — произнес он блатное словечко, обозначающее деяние, выходящее за рамки воровских законов. — Костя на это не пойдет. Он действует чинно и благородно, присылает гонца и говорит сумму. Кто откажет? Зачем его людям ошиваться в темных подъездах? Нет, тебя явно наколола какая-то швиная шпана. А ты размяк и сразу вывалил деньги. И какую! Эх! Сунул на бутылку, он и заплясал бы. А теперь, наверное, сидит и пучит глаза: он таких керенок не видел. Еще повесится от радости.

— Туда ему и дорога, — машинально сказал Моргунок и машинально подмигнул. Но тут же спохватился. — А визит перед этим в магазин? Нет, тут явно виден план, сценарий. И костюм в урну сунул — разве шпана двести рублей выкинет?

— Ты же говорил, костюм на нем был.

— Он так говорил. А я не разглядывал, не до того было. Вот тебя взяли бы за горло, а?

Ряха загоготал.

— Попробовали бы! Да я такого по стене размажу! — он сжал волосатый кулак. — Брали, брали и меня за горло, милок, да не швиная шпана. И где они теперь? У Макара телят пасут или в сырой земле червей кормят.

— Но ведь платишь? — Моргунок ехидно подмигнул.

— Плачу! Но не каждому встречному. Закон советской тайги. Мне платят, я плачу — все идет колесом, по кругу. А если какая-то швивота лезет в круг без спроса — по рылу ему! Чтобы уж не совался.

Он перегнулся через стол.

— Нужно сначала было навести справки — появился Костя или нет, а уж потом пылить деньги. Причем точно знать: это ему, сколько, за что. Он тут порядок держит, посторонних не допускает, нам спокойно — почему за это не платить? Вот мы и платим. Но не в темных подъездах!

— Что теперь говорить? — развел руками Моргунок. — На меня словно затмение нашло... Навести справки! У кого, у гопника? Силища — схватил, прижал, грозил изуродовать. Может, подкуренный или накололся? Такие на все способны, чумные. Рад, что хоть ноги унес. А о бабках что жалеть? Все равно оглоушил бы да все из карманов вывернул.

— А что же один ходишь? У тебя ведь есть этот... Наковальня.

— Кувалда, Валерка. Тут моя промашка. Не ожидал, просто не ожидал у родного порога. Никогда такого не было...

— В нашей жизни ко всему нужно быть готовым, — назидательно сказал Ряха. — Всегда начеку. И в туалете оглядывайся.

Он надел очки, быстро просмотрел бумаги на столе.

— Ладно, поехали к Доке. Он должен точно знать, у него прямая связь со столицей. С ихним шоблом.

Игорь лежал на кровати в своей крохотной квартирке «для малосемейных», которую ему с год назад предоставил завод, точнее, директор после того, как он удачно «защитил интересы завода» в одном деле, которое грозило обернуться крупными санкциями.

В дверь постучали, и вошел Роман, его друг и «верный личарда», как окрестила его Лика. Они дружили еще с институтской поры, правда, позже их жизненные пути-дорожки разошлись — Роману юридическая наука не пошла впрок, в хитросплетениях законов он так и не научился разбираться и вскоре устроился каменщиком в какой-то строительный кооператив, где стал неплохо зарабатывать. Он уже и семьей обзавелся — милая жена Варя, трехлетний сынишка. Жили в частном доме, снимая половину, и платили немало, поэтому Роману, несмотря на хорошие заработки, постоянно не хватало денег, тем более, что Варю он берег и даже баловал, на работу до сих пор не отпускал после родов и практически содержал всю семью.

Широкое простодушное лицо его было озабоченным. Маленькие голубые глазки пытливо уставились на Игоря.

— Ничего такого в магазине нет, — он указал широким коротким пальцем на костюм Игоря. — Спрашивал, говорят, продали.

Грузно сел на заскрипевший единственный стул.

— Ну, рассказывай, зачем туда гонял, — вытащил из кармана куртки «Приму», закурил.

Игорь поднялся, запер дверь на ключ, подошел к письменному столу, выдвинул ящик, достал газетный сверток. Положил на стол и развернул. Роман смотрел, растерянно отвесив нижнюю губу, к которой прилипла дымящаяся сигарета.

— Что это? Сберкасса ограбил?

— Почти, — сказал Игорь. Сел на кровать напротив Романа и стал рассказывать. Тот курил сигарету за сигаретой.

— И так просто отдал? Сколько же тут?

— Ровно десять тыщ. Как один рублик.

— Ни хрена себе! — Роман поднялся, подошел к столу и задумчиво потрогал деньги. — И что? Сдашь в милицию?

— А меня спросят, где я их взял. На улице нашел? Там в такие сказочки не верят. А если этот гад тогда позвонил, то срок мне обеспечен, даже при явке с повинной.

— Но что тебе могут инкриминировать? Ты ведь не грабил, он сам сунул.

— А он скажет, что я вытащил у него из кармана. Взял за горло и вытащил. Кому поверят? Ведь в подъезде караулил? За горло... то бишь за грудки брал? Брал. С какой целью? Поговорить о перспективах развития советской торговли?

— А если запаковать и отослать?

— Какой смысл? Очистить совесть? Она у меня и так чиста. Я пошел набить морду пакостнику, который обирает и унижает людей, а он, как угорь, меж пальцев проскочил. Откупился.

— Да что, у него карманы деньгами набиты?

— Вот, — поднял палец Игорь. — В этом весь вопрос. Что это за деньги, откуда? Почему так легко с ними расстался? Если снял

со своей кровной сберкнижки, то он глотку мне перегрыз бы, а не отдал.

— А может, выручку с собой прихватил? Инкассатор не приехал, он для верности в карман — и домой.

— Для этой цели в магазине сейфы есть. А потом, обрати внимание на купюры. Выручка идет в разных купюрах, а тут одни крупные. И сумма круглая. Нет, эта сумма явно шла целевым назначением.

— Куда?

— Вот и я спрашиваю — куда. Уж конечно, не на пожертвования и не на законные дела. Думаю, взятка. Или ему дали, или он готовился дать. Все балабонил о каком-то Косте... И когда сунул, сказал: «Передайте Косте».

— Ну, теперь, наверное, тот Костя на голове волосы рвет... — пробормотал Роман, все еще вороша деньги. — Что думаешь с ними делать? — после долгого молчания спросил он, пошевелив широкими плечами, на которых чуть не лопалась голубая ширпотребовская куртка с безвкусными оранжевыми полосами на спине и рукавах.

Одно время Игорь увлекался культуризмом и накачал в секции приличные мускулы — в жизни пригодится. Как-то затащил туда Романа. Но когда тот разделся, тренер задумчиво посмотрел на его литой торс и сказал, что секция ему, как козе велосипед.

Но тут его увидел забредший в поисках молодых талантов тренер по боксу и пришел в дикий восторг. Он уговорил, уломал-таки Романа, соблазняя перспективами заокеанских поездок и баснословных гонораров в долларах, хотя на самом деле атайне мечтал о таких поездках сам в качестве дядьки выращенного им «мальчика для битья». Роман стал ходить в секцию бокса. Но вскоре тренер в нем разочаровался. Реакция у Романа была хорошая, и удар что надо: если приложится, противник уже не поднимался. Но он совершенно не умел передвигаться по рингу, топтался как медведь и только отбивался от наседавшего партнера. Тот быстро нашупывал слабое место, кружил вокруг, не подпуская на близкую дистанцию и избивая с дальней, как тренировочную грушу. Роман вечно ходил с расквашенными губами, синяками под глазами, распухшим носом. Кончилось тем, что Варя прибежала на занятия и, кляня на чем свет стоит тренера и его «борзых», увела Романа из бокса навсегда — тот слушался ее беспрекословно.

И все-таки кое-чему Роман в секции научился — уроки мордобоя пошли ему впрок. Если раньше при своей феноменальной силе он совершенно не умел драться, в только бестолково махал кулаками, то в секции ему поставили удар, умение уклониться, отбить атаку, врезать куда надо. И это умение теперь, при всеобщем разгуле преступности, уже не раз выручало...

— Что я думаю? — повторил вопрос друга Игорь. — Я думаю, что эти деньги достались мне по праву. Возвращать их владельцу — значит укреплять мафию и умножать ее преступления перед людьми. Передавать государству еще глупее, всю жизнь грабило нас, обирало и обжуливало — говсю тебе как юрист, хорошо изучивший законы, перед которыми мы бесправны. И эти денежки ухнут, как в трубу. Послать в Детский фонд? Читал в газетах, что там творится? По дураости я послал как-то последние, посмотрев душещипательный марафон — знаю, что такое сиротство. А теперь зарекся. Пожертвования наши пропивают, прожирают, катаются на лимузинах, с бабцом вояжируют за бу-

гор, а на сирот и убогих плюют с высокой колокольни. Да что Детский фонд! Красный Крест во всем мире имеет безупречную репутацию. А в нашей шарашке под прикрытием символа милосердия при распределении посылок из-за кордона воруют колбасу, консервы, шоколад, кофе, детскую одежду, даже авторучки и зубные щетки. Крохоборы!

Он с омерзением сплюнул.

— Можно было бы, конечно, помочь напрямую бедствующим семьям, детскому дому. Но я не Робин Гуд и не Деточкин. Считаю это бессмысленным занятием. Лучше организирую на эти деньги фирму.

— Какую фирму? — тупо спросил Роман.

— «Потребитель». Я заставлю жуликов работать честно, хотя бы в нашем городе. А потом, глядишь, откроем филиалы и в других регионах.

— Да что за фирма? Чем она будет заниматься?

— Все расскажу. Но ты согласен? Без тебя трудно...

Роман заерзал на заскрипевшем стуле.

— Сам знаешь. Куда ты, туда и я.

— Тогда слушай. Уловил, зачем я попросил тебя сходить в тот магазин?

— Чтобы проверить, выполнил ли он свое обещание. Убрал ли бракованные костюмы из магазина?

— Да! И он-таки убрал. Хотя вряд ли вернул на фабрику, прятал или растолкал по филиалам, ларькам. Но тут есть зерно. Это показывает, насколько серьезно он отнесся к моему требованию. Значит, можно действовать. Для начала мы купим мотоцикл «Ява», ты водишь хорошо. Потом...

Предупрежденный звонком, Дока или, точнее, Виктор Семенович Виленский уже ждал их в своем кабинете. Он заведовал хотя и крупным, но окраинным и неприметным универсамом. Однако в торговых кругах пользовался большим уважением и авторитетом. Находясь в тени, он практически руководил всей шайкой оккупировавшей город и сосавшей соки из простых тружеников. По всем важным вопросам и махинациям обращались к нему, и он давал «добро» или накладывал вето. В любой момент мог собрать Большой хурал — тайный совет торгового жулья, который был в силах повернуть такую глобальную операцию, что и не снилась властям. Например, лишить весь город хлеба, мяса, растительного масла, молока и даже соли и тем вызвать недовольство, разброд, митинги и другую заваруху. Но он не прибегал к таким крутым мерам, держа их про запас в ожидании, когда нужно будет сказать решающее слово. Везде у него были свои люди: в милиции, прокуратуре, суде, ну, а о райкомах, горкоме и обкоме говорить нечего — те просто ели из его рук.

Даже при первом взгляде на Виктора Семеновича становилось ясно, что это человек Командной Системы. Высокий, сухоощавый, в безукоризненном костюме-тройке, с гладко зачесанными назад седыми, даже голубоватыми волосами, он внушал невольное уважение и почтительность. Рядом с ним Ряха и Моргунок, тоже одетые в дорогие костюмы, выглядели типичными базарными торгашами, засаленными пройдохами.

Он неторопливо поднялся, обошел вокруг стола, на котором царил идеальный порядок, энергично пожал пришедшим руки,

скупым жестом указал на кресла у приставного столика и вернулся на свое место. Его холодные серые глаза поочередно останавливались на каждом, чуть сощурились.

— С чем пришли? — спросил Дока, переставив на столе прибор с авторучками. У него был звучный бархатистый голос.

Ряха кивнул на ерзавшего Моргунка.

— Он расскажет.

Дока обратил светлый взор на Моргунка. Тот сразу же принялся сбивчиво рассказывать, то и дело горестно вздыхая.

— Вот мы и решили к тебе ехать, по телефону не скажешь. Подзреваем, появился Костя Фармацевт, взимает дань...

— Херня, — четко выговорил Дока. — И с этим вы ко мне примчались? А у самих не хватило масла в голове проанализировать?

— Мы анализировали! — забрызгал слюной Моргунок. — Что толку? Надо знать! У тебя связь со столицей. Оттуда сообщали?

— Пока ничего. Знаю только, что скоро будет здесь, но когда...

— Значит, мне снова платить? — уныло спросил Моргунок. — Отстригли такой шмат...

— Это твои проблемы, — жестко отрезал Дока. — Он возьмет с города столько, сколько решат там. И распределено все между нами будет по справедливости. А если вы такие олухи, что тычете куски первому встречному...

— Я не тыкал, — прервал Ряха. — С меня хрен выжмешь лишнее.

— Лишнего выжимать не будут. А ровно столько, сколько нужно. Ты уже забыл, как тут орудовала шайка залетного Сидора Валета? Сколько с тебя грабанули? Двести тысяч! Отдал, как миленький, собственными ручками.

— А ты бы не отдал, если бы горячий утюг на жопу поставили? — побурел от возмущения Ряха. — Пушку в ноздри совали? Правую руку бензином облили, грозили отжечь? Насмотрелись боевиков, сволочи... Ну? Это дело?

— Детали, — Дока злорадно улыбнулся, обнажив ровенький ряд красивых, белых, словно фарфоровых зубов. Врач и зубной техник у него были лучшими в городе, но золотых зубов Дока не признавал, считая это вульгарщиной. Золото предпочитал хранить в укромных местах, не демонстрируя при каждой улыбке, как Ряха. — Технические детали. Но мы срочно дали знать Косте, тот прилетел со своей гвардией и вмиг вычислил Валета. Где его потом нашли? До половины закатанного в асфальт. Бр-р! Менты его ломали оттуда выламывали, как реликвию. Но это потом, а когда его закатывали, асфальт был горячим, а Сидор еще живой, только пасть залеплена пластырем. Двоих повесили под мостом, одного утопили. Денежки вернули?

— Сто девяносто восемь, — хмуро буркнул Ряха.

— Только два куска и успели прогулять. Но с тех пор нас никто не тревожит, утюги на жопы не ставит, бензинчиком не поливает, пушку в рыло не сует. Знают, чей район и чья епархия.

— Это верно, — поддакнул Моргунок. — Так может быть, снова вызвать Костю?

— Он не сявка, чтобы из-за десяти кусков срывать, планы свои ломать. Приедет, посмеется да оброк удвоит. Коль вы так легко бабками разбрасываетесь, у вас их много. Таких обалдуев не грех и пошерстить. Нет, подождем. Вот если выяснится, что

объявился профессионал, то можно и звякнуть.

Он откинулся на спинку жесткого вращающегося кресла и закрыл глаза.

После обеда в кабинете заведующего магазином «Овощи—фрукты» Якова Петровича зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Слушаю, Семибратов.

— Телефонограмма. Слушайте, очень важно, — раздался мужской ровный голос, в котором звучала скрытая угроза. — Гнилые овощи и фрукты из торгового зала немедленно убрать, выставить доброкачественные. Пересортицу ликвидировать, все на складе и в подсобках перебрать. После работы купишь в отделе игрушек плюшевого мишку и пластиковую сумку с видами Киева. Вечером мишку распорешь по шву, положишь внутрь пять тысяч рублей, снова зашьешь. Завтра в девять утра явишься в Октябрьский районный отдел милиции. В коридоре сумку с мишкой поставишь рядом с человеком в шляпе и плаще, с газетой в руках. Скажешь, что выйдешь покурить. И больше не возвращайся. Впредь, если будешь продавать гнилье, пеняй на себя. Понял, гнида? Подпись: Потребитель. Телефонограмму принял?

— Принял, — машинально ответил Яков Петрович и осторожно положил трубку. В висках его забухало, остро закололо сердце. Он медленно выдвинул ящик стола, взял стеклянную трубочку с валидолом, вытряхнул таблетку и положил под язык. Что делать?

Звонили из милиции, он не сомневался. Но кто? Всех работников ОБХСС, а особенно начальника — майора Цыбулю, он знал по голосу. Какой-нибудь новенький? Из другого отдела? Вряд ли. Из горотдела? Из облуправления? Но тогда почему свидание в районном отделе?

Что с него рано или поздно потребуют куш, он тоже не сомневался и давно к этому приготовился. До сих пор визиты в его магазин людей в форме ограничивались скромными изъятиями ящика то апельсинов из Марокко, то шпрот, то мясных консервов, то кураги или другого лакомства. Почему-то брали ящиками и, конечно, без оплаты, но это все-таки было скромно, учитывая, какие суммы греб Яков Петрович на постоянной и бессменной пересортице, королеве всех овощных магазинов.

Ну, а теперь будут брать еще купюрами. Что ж, ничего не поделаешь, жизнь дорожает... Яков Петрович встал и медленно снял с вешалки зеленую телогрейку и замызганную шапку.

— Ну что? — спросил Роман, когда они вывалились из тесной будки телефона-автомата. — Что он ответил?

— Что телефонограмму принял.

— И ты пойдешь?

— А куда я денусь?

— Ой, рискуешь, Игорек. Суешь голову в пасть льва. Там тебя миглом повяжут. И камера рядом.

Они закурили.

— Понимаешь, я должен сам проверить глубину нашего риска. Вот потому и сую голову... Что они со львом повязаны, нет сомнений.

— Откуда ты знаешь? Догадки...

— Не догадки, а неопровержимый факт. Любое явное нарушение торговли, которое продолжается изо дня в день, вопит: мы

купили контролеров, ревизоров, милицию! Это же азбука.

— Тем более. Заведующий может звякнуть туда или зайти — так и так...

— С меня, мол, взятку требуют, только не знаю, кто? — Игорь улынулся. — Ему никто не скажет. У них субординация. И конспирация. Кто и сколько у кого берет, никто не знает. И заведующий это прекрасно понимает. Он может лишь дать, а потом осторожно намекнуть: кто-то из ваших уже взял столько-то. Но и тогда они не кинутся искать, а вдруг начальство? Только посоветуют: в следующий раз предупреди, а мы посмотрим, кто у нас такой шустрый. Вот во второй раз риск будет сто процентов. А сейчас... пятьдесят на пятьдесят. Фифти-фифти.

— Но ведь есть эти... фифти-фифти!

— А ты хотел совсем без риска?

— Ну. На кой ляд деньги? Припугнул и ладно.

— Без денег не припугнешь. Это был бы детский разговор. Из пионерского репертуара: дяденька, как вам не стыдно! А тут он понимает, что говорит человек серьезный, решительный. Знаешь, в чем их сила?

— Известно, в дефиците.

— Дефицит — средство. Вся сила в деньгах! Чтобы держать дефицит, они подкупают, мошенничают, уничтожают людей. И бороться с ними нужно их же оружием. Иначе это будут просто забавы юных тимуровцев.

— Ну, тебе видней. Ждать около райотдела?

— Не там. Жди с девяти около почтамта.

В этот ранний час в тесном коридорчике райотдела милиции на приставных стульях уже маялось несколько человек. Хмурый небритый мужик с опухшим лицом и подбитым глазом, парнишка в мятой куртке, уставившийся перед собой невидящим взглядом, остроглазая тетка, которая без конца перебирала у себя на коленях ветхие бумажки, то и дело поглядывая на всех и бормоча, старичок с палкой, застывший изваянием, положив узловатые руки на набалдашник, здоровяк в заляпанной известью телогрейке, подремывающий у входа — видать, с ночной смены и, наконец, еще один мужчина в плаще и низко надвинутой шляпе, читавший около окна газету.

Из дежурки высунулась голова лейтенанта Щегеля:

— Чмыхало! К следователю!

Мужик с подбитым глазом вздрогнул и поднялся. Здоровяк сонно разлепил глаза и снова задремал.

Потом вызвали парнишку, за ним старичка. Здоровяк снова открыл глаза, посмотрел на часы и подхватился:

— Е-мое! Участковый, наверное, прошманал.

Он загрохотал жестяными сапогами по коридору.

— А вы по какому делу? — спросила тетка мужчину в шляпе.
— Не Скурихиных, часом?

Тот не ответил и еще больше углубился в газету.

Потом пришла и тотчас ушла, вполголоса выматерившись, девушка, криливо одетая, размалеванная. Тетка сплунула и тоже шепотом выругалась. Входная дверь тихонько отворилась, и просунулась голова Якова Петровича в шляпе. С минуту он пристально смотрел на мужчину с газетой, но тот даже не пошевелился.

— Вы по делу Скурихиных? — встрепенулась тетка.

Не обращая на нее внимания, Яков Петрович прошел в угол и спросил мужчину с газетой:

— Тут свободно?

Тот что-то буркнул и кивнул головой.

Яков Петрович осторожно поставил на стул рядом пластиковую сумку с видами Киева и слегка изогнулся, пытаясь заглянуть под шляпу сидящего. Но ему это не удалось, газета полностью закрывала лицо. Потоптавшись немного, Яков Петрович сказал, опять обращаясь к шляпе:

— Пойду, покурю. А сумочка пусть постоит. Скажите, занято.

Тот опять кивнул и буркнул. Яков Петрович тихонько вышел, осторожно закрыв за собой дверь. Тетка злобно засмеялась:

— Занято! Беспочтется... Век бы тут не занимать!

Мужчина в шляпе вдруг поднял голову:

— Вы по делу Скурихиных?

— Да-да... — выдавила удивленно тетка. — А вы откель знаете?

Она уже забыла, что всех об этом спрашивала.

— Прокурор сказал, что по Скурихиным никого вызывать сегодня не будут. Следовательно заболел. Узнайте в двадцать третьем кабинете на втором этаже.

Тетка охнула и суетливо засобиравлась.

— А я тут как дурная сижу... Думаю, чево не вызывают?

Едва она потопала вверх по ступенькам, Игорь вскочил и вытащил из-под сиденья кейс. Мигом снял плащ и шляпу и оказался в черной кожаной куртке. Достал из кейса берет, а туда сунул плащ и шляпу. Подхватил пластиковую сумку, но не стал прятать ее в кейс, а взял так, чтобы висела рядом с портфелем. Все было продумано заранее: если схватят, он скажет, что тоже решил покурить, а сумку захватил, чтобы отдать гражданину, который просил ее постеречь. Что в ней — знать не знает. По таким косвенным любым обвинениям рассыплется.

Медленно прошел по коридору, равнодушно глянул на дежурного и направился к выходу. На улице закурил и сделал вид, что рассматривает дегенеративные морды на стенде «Разыскиваются милицией». Никого. Прогулочным шагом пошел по тротуару, держа кейс так, чтобы он полностью закрывал сумку, висящую на стойке, обращенной к стене.

Не оглядываясь, прошел мимо универмага и, только заворачивая во двор почтамта, слегка скосил глаза в сторону. Вот и просторный, всегда пустынный двор. Когда он подходил к незаметной двери служебного входа, вдруг мелькнула мысль: «Если будут брать, то только сейчас, поймут, что упустил». Вошел и быстро рванул по коридору. Теперь все решала скорость. Едва не сбив с ног почтальоншу с сумкой, проскочил коридорчиком и вышел уже на центральную улицу.

Рядом, за перилами стоял красный мотоцикл «Ява». Завидев его, Роман резко ударил ногой по стартовому рычагу. Мотор взревел — «Ява» заводилась хорошо. Перемахнув через перила, Игорь схватил протянутый другом мотоциклетный шлем, прыгнул на заднее седло. Нахлобучивая шлем, ухватил Романа за широкий армейский ремень поверх такой же кожаной куртки.

Когда они плавно выворачивали на перекресток, Игорь оглянулся. Сзади не было ни одной машины.

В обеденный перерыв Игорь заскочил в конструкторское бюро и увидел тихонько плачущую в уголке чертежницу Ванду.

— Вот те на! — удивился он. — Я думал, ты и плакать не умеешь. Всех заражала неиссякаемым оптимизмом.

Она подняла голову, откинула назад чудные каштановые волосы и улыбнулась сквозь слезы.

— Бывает... иногда хочется и поплакать.

— Но причина есть? — он подхватил стул и сел рядом. — В чем дело, Вандочка? Может, я чем-то помогу?

Когда-то он был влюблен в Ванду — у нее были красивые, бархатные глаза, безупречный овал лица, хорошая фигура, длинные стройные ноги, — но все порушила сумасшедшая Лика, ворвавшаяся в его жизнь и забравшая душу без остатка.

— Помочь? — она печально покачала головой. — Чем ты можешь помочь? Если дурочка, то это уже навсегда.

— Ты дурочка? — от нее исходил тонкий аромат и кружил голову. — Ни за что не поверю. Предоставь доказательства.

Она поднялась, обошла вокруг него и легкой походкой направилась к полке, где стояли в ряд сумки сотрудниц. Взяла одну, вытащила грязноватую тряпку.

— Вот. Это было майкой фирмы «Адидас». Девяносто рэ. А я поверила и купила. После первой стирки она стала таким вот экспонатом.

— Где купила? — машинально спросил он.

— В кооперативе «Лелека», разумеется. Пошла разбираться, а они выгнали: не наша продукция.

«То же самое, что и со мной, только в кооперативном варианте», — он проникся к девушке сочувствием. Подошел, погладил ее по голове, чуть привлек, и она покорно прильнула, глубоко вздохнув.

Вечером, когда они вдвоем с Романом пили чай, рассуждая о смысле жизни, раздался тихий стук в дверь.

— О! — Игорь распахнул дверь. — Входите, маркиза. Ведь вы у меня так никогда и не были.

Вошла Ванда. Ее трудно было узнать: в белой пышной кофте до бедер и длинной черной юбке. Блестящие волосы волнами спадали на плечи. Густые ресницы ее затрепетали, когда она увидела Романа, который застыл посреди комнаты и тарашил на нее голубенькие глазки.

— Знакомься. Мой друг Роман. Я тебе говорил.

Ванда протянула узкую, но крепкую ладонь:

— Это с ним ты грабишь торговцев?

Роман растерянно уставился на Игоря.

— Не беспокойся. Представляю тебе третьего члена нашей команды. Ванда. Извини, что с тобой не посоветовался, но можешь не сомневаться, человек надежный.

— Ты мою точку зрения знаешь. Среди них надежных нет.

— Вот потому с тобой и не посоветовался. Но она — исключение. Можешь мне верить.

Ванда положила сумочку, села на кровать, поскольку второго стула не было и ласково уставилась на Романа.

— Под «ними» вы подразумеваете нас, слабый пол. Почему же так не доверяете нам?

Он замаялся под ее мерцающим взглядом, потом откровенно

бухнул:

— Потому что — слабый!

— А вы, значит, сильный? — Ванда засмеялась.

— Дело не в силе. Дело в болтовне.

— А вот этого как раз за Вандой не наблюдается. Говорю тебе — она исключение. Проверено, — Игорь откупорил бутылку. — Будешь? За рулем ведь.

— Да мне как слону дробина это сладенькое. Давай! Назад поеду околясом, переулками.

Выпили. Ванда покраснела.

— В общем так, — Игорь повертел в руках стакан. — Ванда подсказала один адресок. Дело провернем в следующую субботу...

Мария Павловна Очерет, основательница кооператива «Лелека», улыбнулась вошедшим зауценной улыбкой. Но глаза не улыбались. Они цепко осматривали поздних гостей.

Двое молодых людей в дорожных кожаных куртках («Солидные», — отметила Мария Павловна), а девушка тоже в кожаной куртке, короткой кожаной юбке и высоких сапогах до колен. Толстая золотистая коса ниспадала ниже пояса, на лбу черная лента с вышитым на ней серебряным пауком. Лицо ее не понравилось председателю: «Слишком размазанная». Черные брови оттянуты аж на виски, под глазами черные тени, кровавый рот — девушка вамп «Такая молодежь пошла», — смиренно подумала Мария Павловна и перевела взгляд на стоящего перед ней молодого человека в шляпе и больших дымчатых очках — видимо, старшего в этой группе. Когда она разглядела смуглый, почти кофейный цвет его лица, тоненькие фатоватые усики, то сразу поняла: кавказец. Сердце ее сладко сжалось: с такими давно мечтала иметь дело. Не скупилась и работали с размахом.

Игорь тщательно подготовился к операции. В тот вечер, когда Роман ушел и они остались наедине, он смеющимися глазами оглядел девушку:

— Как красива! А на работу ходишь серенькой пташкой... Такой я тебя еще не видел.

Она вспыхнула, потом опустила глаза:

— И не увидишь. Одолжила у подруг по общежитию, — принужденно засмеялась. — Что поделаешь, на зарплату чертежницы...

Сердце его заняло. Он подошел к письменному столу, выдвинул ящик. Положил перед ней стопку денег.

— Не расцени как-то иначе... Это тебе на экипировку.

— Нет! — она с возмущением оттолкнула деньги.

— Пойми, от продуманной экипировки зависит успех, а следовательно, и наша безопасность. Вот почему я беру деньги у торгашей. Мы несем определенные расходы, тратим время, заставляя их хорошо работать, и это должно компенсироваться. Фактически мы выполняем работу тех, кто получает за нее деньги, бездельничая и занимаясь болтовней — от правоохранительных и контролирующих органов до народных депутатов. И к тому же крупно рискуем, а риск во все времена стоил очень дорого.

— Но зачем ты вообще ввязался в это дело? Ведь конец один... тюремные нары.

— Не самый худший вариант, — он налил вина и выпил одним

глотком. — Зачем? Я не хочу быть покорной, всеми обижаемой овечкой. Люди ходят на митинги, кричат, бастуют, устраивают голодовки протеста. Но я предпочитаю методы — активные. Жизнь становится все хуже и хуже, и теперь я знаю, кто делает ее такой. Вот против них и действую. А насчет тюремных нар... Нет, в милицию они не побегут. Скорее задействуют своих головорезов. Вот к встрече с ними и нужно готовиться.

Глаза ее расширились.

— Игорь! Но ведь это очень опасно. Они беспощадны!

— Да, конечно, — он опустил голову. — Уж милость к со мной не будут. Но у меня есть голова на плечах. Нужно продумывать на несколько ходов вперед, чутая опасность.

В конце концов он уговорил-таки ее взять деньги.

— Маски надевать не будем. Неизвестно, сколько там окажется людей, а мне нужно их удалить. Ты можешь с помощью косметики изменить свое лицо?

Она засмеялась.

— Женщина может нарисовать себе любое лицо. Не беспокойся, даже ты меня не узнаешь.

И она действительно «сделала себе новое лицо», волосы подобрала и надела парик с косой, оставшийся у нее еще с тех времен, когда он был в моде. Игорь втер в кожу лица и рук гримировальный крем, наклеил усики и теперь казался типичным южанином. А Роман предпочел наклеить короткую шкиперскую бородку и низко надвинул на глаза кепку-аэродром, которая тоже указывала на его причастность к цитрусовым краям. У Марии Павловны все трое не вызвали никаких подозрений, а когда Игорь заговорил с легким кавказским акцентом, последние сомнения ее рассеялись.

— Я вам званил, жемчужная.

— Да, да, я помню, — Мария Павловна заерзала, улыбнулась еще шире. — И велела, как вы просили, выставить в зал образцы.

Она указала на ряды висевших на плечиках костюмов, брюк, юбок, блузок, маек и прочей швейной продукции.

— Вы панымаэте, у нас конфиденциальный разговор.

— Сейчас я отпущу девочек. Маша, Катя! — крикнула она двум дородным «девочкам», возившимся в углу над раскроечным столом. — Можете идти. Да вы не беспокойтесь, тут все свои.

— Я всегда спокоен, — Игорь улыбнулся. — Но в нашем деле нада не только быть спокойным, но и осмотрительным. Я правильно гаварю, золотая?

— Правильно, правильно, — председательша цвела. Так никто никогда ее не называл. — Я все понимаю.

Игорь оглянулся на сидевшего в углу хмурого здоровяка, который делал вид, что читает журнал «Кино».

— Это мой помощник, — успокоила его Мария Павловна. — У меня от него никаких секретов. Да вы садитесь, садитесь.

— Присэсть магу, садиться нэ жэлаю. Правильно, алмазная?

Мария Павловна расхохоталась до слез. «Тот самый, телохранитель, — напряженно думал Игорь. — Вооружен ли?»

Роман и Ванда остались стоять. На плече у Романа висела объемистая спортивная сумка, которую он придерживал рукой в кожаной перчатке.

Толстые девочки быстро собрались и ушли.

— Мы хатэли бы закупить у вас нэмножечко товара, — пояснил Игорь. — Для этого и прасыли выставить абразцы.

— Какого именно? Сколько? На какую сумму? — стала деловито сыпать вопросами председательша.

— Сейчас посмотрим, — Игорь поднялся и пошел вдоль рядов, вороша на ходу рукой одежду. Он отметил, что к здоровяку близко не подобраться — тот сидел в дальнем углу, где одежды не было.

Игорь снял майку с надписью «Адидас». Роман тотчас поставил на пол сумку и нагнулся над ней, распуская молнию.

— Брак гонишь, старая грымза? — вдруг четко и ясно прозвучал угрожающий голос. — Халтуру?

— Что? Что вы сказали? — Мария Павловна застыла с открытым ртом. В руках Романа и Ванды появились тускло поблескивающие автоматы. Один был направлен на председательшу, другой — на ее прихвостня. В комнате повисла вязкая тишина.

Мордоворот поднял голову, уставился хмурым взглядом в дуло автомата, смотревшего на него, но не двинулся с места.

«Благоразумный, молодец», — мысленно похвалил его Игорь и повторил:

— Брак гонишь, паскуда? И семь шкур дерешь. А люди отдают кровные денежки, заработанные тяжким трудом, а потом плачут, не знают, где на вас, жуликов, управу найти. Говори, сколько и кому дала взятку, чтобы народ обирать?

На Марию Павловну напала нервная икота, мелко задрожал подбородок.

— Тьфу! — плюнул Игорь. — Как ответ держать, так дрожишь. Все вы такие, сволочи. Ну, за дело. Надя, выбери себе что приглянется в компенсацию за то, что тебя обжулили.

Они условились называть друг друга именами, но другими, чтобы сбить с толку противников.

Игорь взял автомат у Ванды и направил на председательшу. Ванда пошла вдоль рядов, проворно снимая одежду. Разглядывала, бросала на пол посреди зала. Слышались только цокот ее каблучков и шорох одежды. Наконец она выбрала костюм «варенка», такую же пышную белую кофту, в которой прихидила к Игорю, две юбки, длинное платье и еще несколько вещей.

— Кажется, это без балды.

Уложила отобранное в большой пластиковый мешок, сунула в сумку. Потом она принялась снимать все подряд и швырять на середину зала. Образовалась разноцветная куча.

— Поливай.

Она вытащила из сумки трехлитровую банку с коричневой жидкостью, открыла крышку. Едко запахло креозотом.

Насчет мордоворота Игорь ошибся. Тот был благоразумным, но не трусливым. Просто выжидал. А теперь, видимо, решил, что пора сказать свое слово. Ведь ему платили за охрану не только жирного тела председательши, но и ее добра. Уловив момент, когда Роман чуть отвлёкся, он отбросил стул, нагнул голову и прыгнул, да так, что несколько метров пролетел одним прыжком. Видать, держал себя в форме.

Но именно несколько метров и спасли Романа — все-таки на это потребовались какие-то секунды. Роман успел повернуться и встретить его звонким ударом в лоб кулаком в кожаной перчатке. Раздался костяной звук, и мордоворот так же молча, как бросился, свалился и застыл.

— Ох, рано вскочила охрана, — процедил Роман.

Мария Павловна затряслась еще сильнее.

— Поливай, — повторил невозмутимо Игорь.

Вороша одежду девушка принялась поливать ее креозотом, потом бросила пустую банку, брезгливо вытерла руки цветастой кофточкой. Вытащила из сумки большую белую картонку и положила на мерзко пахнущую пучку. На картонке тушью было любовно выведено: «БРАК. ОТК ПОТРЕБИТЕЛЯ.» Мария Павловна закрыла лицо руками и всхлипывала.

— Запомни и передай, — раздался над ней четкий голос. — Если станешь снова жульничать, то следующая наша встреча будет не такой мирной. И урон поболее. А пока предупреждение.

В кабинете Аргамачова сидела Мария Павловна и плаксиво рассказывала о ночном налете («Разорили, форменным образом разорили, варнаки!»), когда раздался телефонный звонок.

— Это Потребитель! — послышался в трубке мужской голос, и Ряха шумно задыхался. — Старая гримза уже рассказала?

Получилось чисто случайно. Игорь выждал два дня и позвонил в понедельник, полагая, что председательша сразу же побежала к своему покровителю. Так оно и было, да не застала — Ряха на уик-энд отправился пьянствовать в «охотничий домик» и теперь напоминал непрспавшегося кабанюгу с налитыми «кровью глазами». Игорь попал как раз на их встречу, и Ряха узрел в этом козни хорошо законспирированной тайной разведки мафии. «Эге, у него везде свои люди...»

— Что тебе нужно, Потребитель?

Мария Павловна застыла с отвисшей челюстью.

— Тогда слушай, красная морда. Все кооперативные товары с «химией» из торговых залов чтобы исчезли раз и навсегда. У тебя там многие пасутся, предупреди их. Далее Купи в универмаге плюшевого мишку и полиэтиленовую сумку. Зашей в игрушку восемь тысяч. Вечером придет человек и скажет: «Здесь живет Назар Назарыч!» Отдай ему сумку Понал? Повтори.

— А хера не хочешь? — заревел в трубку Леонтий Иванович и с силой ударил себя в стиб руки. — Вот такого!

Но потом, спохватившись, что собеседник не может видеть столь красноречивого жеста, добавил:

— Синего, в крапинку, с винтом!

— Ну, тогда готовься к ответному удару.

— В гробу я тебя видел! — Ряха швырнул трубку.

Районный универмаг потребкооперации располагался в большем сером двухэтажном здании старой постройки. На первом этаже, как водится, торговали продовольственными товарами, на втором — промышленными. Левый вход вел в нижний зал, правый — в верхний. Соседнее здание занимало управление райпотребсоюза, и это было очень удобно. Покупатели заходили с фасада и уныло обзоредали пустые полки, густо заставленные размалеванными пачками турецкого чая «Камелия» с редкими вкраплениями банок «каши походной», пакетов окаменевшей соли, конвертов с лавровым листом. А если поднимались на второй этаж, то так же уныло обзоредали ряды висевших пальто булыжного цвета моды шестидесятых годов, хотя на самом деле модными они не были за всю историю человечества.

Из угла, занятого пестрыми изделиями кооператоров, с наглым

вызовом на сгорбленных серых гегемонов взирала полуголая девица с просвечивающими сквозь тюлевые лохмотья прелестями, опиравшаяся на капот сверкающего «мерседеса» глянцевої ягодицей. В руке она держала бокал с чем-то пенящимся и зазывала в дальние круизы на белоснежных лайнерах — самое то для затюканного покупателя, мечущегося в поисках рублевой колбасы из вонючей требухи. При виде такого бессовестного плаката у покупателей так сводило челюсти, что они не в силах были даже плюнуть на глянцевую диву.

Зато с черного хода торговля шла бойко и стабильно. В просторный двор аж с соседнего переулка (чтобы не видно было — все продумано!) входили и въезжали, а назад несли и везли. Выскакивающие из управления сотрудники лично руководили торжищем, принимали записочки, слушали просьбы на ушко. Универмаг и контору кто-то метко называл сообщающимися сосудами.

Люди все реже заходили в торговые залы, что было из руку продавцам, которым некогда было яхаться с законными покупателями. Вид ярко освещенных пустых торговых залов не удручал и Ряху, когда тот подъезжал на служебных «Жигулях» к управлению: «Ничего, завезу в глубинку машину валенок с галошами, вагон нитратных арбузов...»

Но сегодня вид густой толпы, затопившей со всех сторон здание универмага, встревожил его не на шутку. «Неужто выбросили что-то без моего дозвола?»

Ворвавшись в кабинет, даже не сняв плаща, он нажал на кнопку селектора:

— Что у вас там делается? — рявкнул, не поздоровавшись.

— Ой, Леонтий Иванович, что у нас делается, что делается! — запричитала заведующая отделом. — Евдокия Александровна еще не пришла, а тут...

— Где ее черти носят? Да говори толком!

— На стене у входа бумажки наклеены. Будто нарчем с утра дефициты давать, мол, завезены сигареты, спички, дрожжи, обувь, детская одежда... И по сколько будут давать на руки.

— Кто наклеил? Почему не сорвали?

— Сорзешь, как же! Посылали Стелю-грузчика, так ему чуть руки-ноги не переломали. Бумажки с вечера появились, люди всю ночь ждут, запись в очередях...

Ряха похолодел.

— Может, райисполком распорядился? — тупо спросил он.

— Звонил! Никто ничего не знает. И вам звонила раз двадцать. Ой, что делать? Открывать? В дверь колотят!

He отвечая, Ряха выключил селектор. Схватил трубку телефона и набрал заветный номер.

— Валентин Елисеевич! Да, да, здравствуй, дорогой. Выручай, срочно пришли наряд. Да не перепились, хуже. Толпа собралась, шумит! Черт его знает, почему! Наклеил кто-то бумажки, будто дефициты будем давать, вот народ и сбился. Что? Какие у меня дефициты? Сам давно не видел, какие они, эти дефициты.

В трубке сыто посмеялись.

— Что? Да помню, сделаю все, Вальсевич! Выручай! Думаю, провокация. Мутят народ. Руховцы, конечно. Дверь высаживают!

Но дверь уже высадили. Пока Ряха препирался с начальником райотдела милиции, накал толпы достиг апогея — вот уже полчас, как должны открыть, а не открывают. Наверное, прячут, сволочи. Дверь сотрясалась от ударов. Достаточно было искры, чтобы

прогремая взрыв. Искра и не замедлила. Какой-то проворный малый сбегал в переулок, увидел выходившего со двора мужчину с рюкзаком (позже выяснилось, что у того просто не приняли пустые бутылки) и прибежал с криком:

— Выносят, гады! С заднего прохода рюкзаками выносят!

Толпа взвыла и налегла на двери. Хлипкий засов не выдержал, неудержимый поток хлынул в магазин. Ну, а дальше были бессмыслица, безобразие, мерзость. Пустые прилавки разбили, радиоактивный чай смели с полок, растеклись по помещениям. Группа «промтоварников» по черной лестнице проникла на верхний этаж. Все крушили, опрокидывали, ломали, били. Найденные в подсобках припрятанные товары: банки с красной и черной икрой, рыбные и мясные консервы, импортные сигареты, те же спички, шоколад и шоколадные конфеты, вареная колбаса, мороженые куры и утки, апельсины, а на верхнем этаже обувь, дубленки, меховые шапки, дешевые ткани, детские колготки и прочее еще больше раскалили страсти. Найденное передавалось из рук в руки и бесследно исчезало в толпе.

— О, ворюги! Захватили, заныкали!

— Мы такого не видим!

— А они обжираются, падлюки!

Продавцы разбежались, мясника Гришу, которого застали за разрубанием свиной туши (накануне привез селянин), и вздумавшего с перепоя оказать сопротивление, чуть не зарубили его же топором, избив в один синяк.

Прибывший, как всегда, с опозданием наряд милиции уже ничего не мог поделать. Милиционеры сиротливо стояли кучкой у своих машин, сознавая полное бессилие перед громадой.

— Тут водометы нужны, — хмуро обронил один.

— Ну. А еще «черемуха». Что с нашими палочками соваться?

— Да я и этой палочкой... — бесстрашно рвался вперед старшина Довбня, сжимая в красных ручищах дубинку. — Я им...

Силушкой Бог его не обидел, а с умишком дело обстояло плачевно. Поэтому дальше старшины и не продвигался.

— Отставить! — лейтенант Щегель получил четкие инструкции от начальника. Если кучка — разогнать, рьяных и пьяных похватать, если толпа — не лезть, иначе и райотдел разгромят. — По машинам.

Под свист и злобные выкрики они быстро расселись в трех машинах и укатили.

— Народ! — крикнул кто-то в толпе, которая вся не в силах была пробиться в торговые залы. — А вон рядом дом! Гнездо жуликов! Ишь, из окон тарачатся!

Толпа качнулась и хлынула к управлению. Увидев страшное зрелище надвигающейся стихии, сотрудники управления бросились к черному ходу, побросав все. Кое-кто не успел выскочить и был хорошенько помят ворвавшимися. Ряха выпрыгнул прямо со второго этажа — хорошо, на мягкий газон. Ковыляя, успел укрыться в ларьке для приема стеклопосуды и с ужасом наблюдал, как из разбитых окон вылетают папки с документами, телефоны, селекторы, пишущие машинки, вымпелы, призы, красные знамена с поломанными древками. Стоявшие во дворе легковые машины были перевернуты и побиты.

Когда страсти поутихли и здание управления опустело, он осторожно выбрался из ларька и поковылял в переулок.

Вечером Ряха лежал на тахте с распухшей перевязанной ногой и тихонько стонал. Стоявший у изголовья телефон зазвонил.

— Да, я, — он говорил расслабленным голосом, полагая, что кто-то из власть придержащих вновь хочет выразить сочувствие.

— Это Потребитель! — прозвучал знакомый голос. — Ну что, краснорожий, пошла тебе впрок моя наука или снова будешь материться и балобонить?

— Ага, Потребитель! — Ряха вмиг остервенелся и даже приподнялся на локте. — Так это твоих рук дело? Хорошо, что признался. Теперь тебе крышка. Убытков на сотни тысяч рублей! Наши ребята из райотдела взялись за тебя всерьез, слышишь? Как повяжут тебя, приду, чтобы лично разбить в кровь твою морду, понял?

— Спасибо за информацию. Так говоришь, наши ребята? То есть твои? И ты приходишь в райотдел, чтобы вот так запросто набить морду задержанному? Да, купил ты их, купил. И это твое признание будет повесомее моего. Учти, оно записано на магнитофон. Если я передам пленку в руховские газеты...

Ряха вмиг остыл и даже испариной покрылся.

— Гы... хы... — прохрипел он.

— Вот именно. А возможности твоих ребят мы знаем. Вот уже целый год не могут найти грабителя, который прямо в квартире изнасиловал и зарезал школьницу. Не говоря о других преступлениях в городе. И лучшим доказательством их профессионального умения служит то, что ты, ворюга из воруя, сидишь в высоком кресле под охалкой красных знамен. Вместо того, чтобы сидеть за решеткой и хлебать баланду.

Ряха угрюмо молчал.

— Повторяю. Или ты завтра вечером передашь сумку нашему человеку, или будут последовательно разгромлены и другие твои магазины. У нас, знаешь, народ нынче отзывчивый, легкий на подъем. А если я в листовке напишу, что основная часть дефицита спрятана на твоей квартире, как у твоего товароведа, помнишь, которая торговала прямо на квартире, а ты потом ее выкупил у ментов. А люди помнят...

Ряха очумелым взглядом обвел свои роскошные апартаменты, заставленные импортной мебелью, хрусталем, увешанные коврами. Годами собирал лучшее... Боже! Что тут станется!

— Ладно, — выдавил Ряха. — Пусть приходит.

— И не вздумай звякнуть своим мальчикам. Учти, у нас тоже есть там информаторы, честные люди. Вот тогда мы шутить не будем. Даже если меня повяжут, листовка будет выпущена. Ну?

— Когда?

— В восемь. Да, чуть не забыл. Ты заставил нас понести дополнительные расходы, сумма удваивается. Шестнадцать тысяч.

Ряха осторожно повесил трубку и, откинувшись на подушку, заскрежетал зубами.

В течение месяца, следовавшего вслед за этими событиями, в городе произошел ряд «взрывов» личных сбережений «дельцов», воротил и прочих жуликов. Они были незримы и неслышимы, но грозной волной прокатились по торговым кругам не только города, района, но даже и области. Там царила полная паника. Напуганные неуловимым Потребителем, воротили не только покорно отдавали деньги, но и неукоснительно выполняли все его требования. В городе наладилась торговля, появились припрятанные на

складах и базах давно не виданные людьми товары, улучшилось обслуживание. Продавцы, официанты, труженики сферы обслуживания стали улыбаться покупателям и клиентам — хоть и вымученно, однако и это было неслыханно и невиданно!

Но жители, вместо того, чтобы возрадоваться такому явному улучшению благосостояния, впали в расстройство и уныние, спешно запасались дефицитами и недефицитами, даже сухари сушили — советский обыватель знает, что подобное добро никогда не приводит к добру. Поползли слухи о готовящемся военном перевороте, старики вспоминали, что такое же улучшение было и перед снятием Хрущева. Или после, уж не помнят. И хотя из соседних городов и весей гонцы приносили утешительные вести, что там по-прежнему крадут, безобразничают и пустые прилавки, уверенность обывателя в светлом завтрашнем дне была сильно поколеблена.

Но ползли и другие слухи: о какой-то доброй мафии или анти-мафии, о народном мстителе по кличке Потребитель, который воздает по заслугам злодеям всех рангов, защищает обездоленных, утирает слезы людские. Говорили, что у него везде есть свои люди, он все слышит и видит, появляется то там, то тут.

Виктор Семенович, он же Дока, рвал и метал: в который раз звонил в столицу по заветному телефону, и каждый раз ему отвечали, что Костя Фармацевт еще пребывает в заграникомандировке: поехал покупать себе «олдсмобиль» той же модели и расцветки, какой был у Брежнева. Его помощник Федька Кривой помог лишь тем, что выслал тройку боевиков, которые теперь дежурили в засаде то на одной квартире, то на другой, куда предположительно мог нагрянуть Потребитель.

В конце концов Игорь на засаду все-таки нарвался. Обычно для визита на квартиру за сумкой со штрафом, замаскированным по его указанию в детскую игрушку (плюшевые мишки в универсаме давно кончились), он нанимал кого-нибудь из алкашей, а изобилии слонявшихся поблизости — если такого возьмут, сразу все ниточки оборвутся.

— Слушай, друг, — говорил он доверительно, — купил игрушки детям, да забыл на квартире у товарища. А жена у него змея, не хочу идти. Сбегай, забери, на бутылку получишь.

У алкаша никогда не возникало вопросов: что, почему, зачем, в голове и так путалось. А слово «бутылка» придавало его действиям необходимую смекалку и стремительность.

Дверь квартиры начальника межрайбазы, который припрятал на складах товаров на сотни тысяч рублей и никак не желал с ними расставаться, открыл старший из боевиков Янек Седой. Он сразу понял, что перед ним «саявка». Передал сумку и мигнул своим напарникам Гоге Скачку и Алику Бешеному.

Все пошли за потрепанным типом, который бодрой трусцой поспешал на встречу с бутылкой. Тот завернул в переулок, передал сумку Игорю и получил обещанное вознаграждение. Роман стал заводить мотоцикл, и тут из-за угла вывернулись головорезы Фармацевта, размахивая ножами, цепями, свинчатками.

— Стой, мать-перемать! Шкуру живьем сдерем!

Как на грех, мотоцикл на этот раз не заводился. Игорь выхватил из-под куртки автомат и дал очередь. Боевики, сразу оценившие огневой перевес противника, послушно залегли. Вдвоем покатали мотоцикл, тот завелся, седоки вскочили в седла и унеслись с места события.

Боевики были срочно отозваны для отчета о первом контакте с Потребителем.

А через день в городской газете появилась заметка «Перестрелка в переулке». Начиналась она сардонически: «Наконец-то цивилизация пришла и в наш город...» Автор язвительно и устрашающе расписывал разгул мафии, укорял милицию за бездействие и душераздирающе вопрошал в конце: «Доколе?» В заметке была выдвинута версия: «Ходят слухи, что этот инцидент явился следствием сведения счетов преступных группировок, одну из которых возглавляет небезызвестный, но загадочный рецидивист по кличке «Потребитель».

— Насчет рецидивиста он ошибся, — сказал начальник угрозыска райотдела капитан Мешков, постукивая авторучкой по газете, которую уже успел залить кофе. — Будь это рецидивист, мы бы его давно вычислили. Ребята работают на износ.

Его простецкое, гладко выбритое лицо, как и широкая лысина, порозовело и поблескивало капельками пота. «Износ» на нем не отразился — Мешков соблюдал жесткий режим. Сидевший перед ним капитан Непыйпиво, худой, желчный обэзасовец, вопреки своей фамилии пиво любивший, не отрывал тоскливого взгляда от закуской напротив, откуда выходили то и дело личности с авоськами, набитыми бутылками «Жигулевского». Он вздохнул.

— Да, торгаши явно напуганы, — кивнул головой. — И не только торгаши. Еще шобло зашевелилось. Этот Потребитель насыпал им перцу под хвост. Майор Цыбуля роет копытом землю.

В отделе часто повторяли эту присказку о начальнике ОБХСС, который давно и безнадежно был повязан «шоблом» по рукам и ногам. Все знали, но поделаться ничего не могли — «волосатая рука» в верхах! Он постоянно занимался разной ерундой для создания видимости кипучей деятельности: «внезапными» рейдами, проверками, инспекциями, о которых «шобло» предупреждалось аж за месяц и встречало его чуть ли не цветами и караваями. В таких случаях говорили: «Майор Цыбуля роет копытом землю», хотя эти широкомасштабные акции не стоили выведенного яйца. Но теперь майору и впрямь приходилось рыть землю копытом — слухи о Потребителе ему сильно досаждали.

Они закурили.

— Это явно новичок, дилетант, — продолжал Мешков. — Но дилетант, работающий почти на профессиональном уровне. Видать, парень башковитый, грамотный. А такого новичка поймать труднее всего. Никаких пальчиков, следов в картотеке, старых долгах, воспоминаниях старожилов. Почерк? Почерк непредсказуемый. В каждом деле он находит новое решение, учитывая напряженную обстановку. Вон ведь как Ряху придавил. А концы? Даже концов не осталось — кто-то в суматохе листки со стен посрывал. Думаю, он и сорвал.

— Что Ряху придавил, нет сомнений. Сначала тот пеной исходил: поймать марзавца! А теперь молчит, в землю зарылся. Убитки списал до мизера. И другие придавленные не жалуются.

— Ну давай, выкладывай, — Мешков откинулся на спинку стула. — Что там твои саксоты доносят?

— А твои?

— Мои в те круги не вхожи. Они по малинам да подворотням.

Они: подружились здесь, в райотделе, куда пришли по комсомольскому набору с чистыми помыслами и горячими сердцами. Но увидев продажность, преступность, угодничество, царившие среди стражей правопорядка, поклялись друг другу сохранить чистые руки. Тогда это было очень трудно, почти невозможно, и каждый не однажды балансировал на грани не только увольнения, но и ареста.

Непыйливо прославился в городе тем, что в знак протеста отказался голосовать на выборах — и это в те времена, когда выборы объявлялись «всенародным праздником». Как он тогда уцелел, одному Богу ведомо. Но попал в «черные списки» и до сих пор оттуда не вылезал, хотя теперь дышать стало полегче, а угодники поджали хвосты.

— Знаю одно: Потребитель давит их не даром. Берет... но сколько и с кого, покрыто мраком. Так, просачиваются слухи. Они ведь и друг с другом не очень разговорчивы насчет достатков. Так же, как и убытков. Но если я захожу утром в занюханную «Галушечную» и вижу вместо холодной бурды и пожухлых салатов горячий кофе, свежие булочки, непрореженную сметану и разные бутерброды, а на заднем плане бледную морду заведующего, то знаю точно: Потребитель провел с ним воспитательную беседу и закрепил ее парой тысчонок.

Он повернулся к Мешкову и уставился на него широко расставленными проницательными глазами.

— А может, так и надо, Ваня? А? Может, он правильно действует? Смотри, какой порядок навел в городе! Приезжие ахают, удивляются. Да Цыбуля тысячу лет будет рыть копытом землю, а такого не добьется. Что Цыбуля! А эти вот новоявленные глашатаи народа, которые на митингах рвут глотки — какая польза от их разоблачений? Да они этому парню в подметки не годятся. Вот его надо выбрать народным депутатом! Первый отдам голос!

— Погоди, погоди, Серега. Эк тебя занесло...

— Осточертело биться в их липкой паутине! — стучал себя в грудь Серега. — Только начнешь кого-то разматывать, потянешь ниточку, а тут звонок, указание, беседа: отставить! Нишкни! Иногда самому хочется давить их, как тот Потребитель.

— Но ведь он деньги берет!

— Какие деньги? Наворованные, награбленные. Действует по ленинскому принципу: грабь награбленное. Обычная большевистская практика, партийная работа. По учебнику изучали. Камо, Сталин с чего начинали? То-то. Крыть нечем.

Мешков поставил локти на стол, взъерошил редкие волосы.

— Ты хорошо знаешь, Серега, как квалифицируется эта практика по закону. Практика опасного преступника. Сегодня он грабит торгашей, а завтра войдет во вкус и... Мы-то знаем, как деньга развращает, как затягивает. Вот и ту же ленинскую партию взять. Грабила — а потом стала убивать, насильничать, душить целые народы.

— Ну, до этого Потребителю далеко, — махнул рукой Непыйливо. — И вообще, что за дело ты ведешь против него?

— Дело об организации погромов в универсаме и управлении райпотребсоюза и причиненном ущербе, — Мешков раскрыл тоненькую папку. — Вот. Только свидетельские показания. Ряха пока тянет, отбрехивается тем, что ущерб еще не подсчитан. Пострадавшие отказываются, даже мясник, пролежавший в больнице неделю, изменил показания. Говорит, убегал и упал с лестницы.

Да, не доверяют люди — и справедливо. И жулики тоже не доверяют. Ребята все точки обошли, дали заведующим, продавцам мой телефон... «горячий телефон». В случае чего звоните. Молчит «горячий телефон», хоть каждый вечер дежурю допоздна.

— А перестрелка? — напомнил Непыйпиво. — Как думаешь, кто там шебаршил?

— Еще не разобрался. Но известно, что в городе появились люди Фармацевта. Видели их.. приметные. Весь вопрос в том, появился ли он сам.

— Фармацевт! — стукнул кулаком по столу Сергей. — Вот кого бы повязать! На нем много дел висит. Всесоюзный розыск регулярно карточки выпускает, а что толку? Кто на эти «доски почета» смотрит? Даже наши... Говорят, он около одной такой «доски» сфотографировался рядом со своим портретом, теперь карточки всем дарит вместо визиток.

— М-да... И по моей линии на нем много дел. Слышал я, что держит резиденцию в столице. Под могучим крылом, не достанешь.

— Но сюда приезжает оброк взимать. Это я точно знаю. Тут и накрыть мерзавца!

— Он не в отелях останавливается. И не на малинах. Принимают эту сволочь такие воротилы, к которым без санкции не сунешься. А кто санкцию даст по красным, по донесениям сексотов? Наш студень Моисеев? Пока он меня соплями проволокает по всем согласовательным инстанциям, Фармацевт тут свадьбу сыграет, внуками обзаведется и благополучно помрет. И все-таки чую, мы встретимся. Чутье меня не подводило. И с Потребителем тоже. Такой намечился расклад сил.

— Слушай, — Сергей наклонился вперед. — Верю, что парня достанешь, хватка крепкая. Коль взялся, не отступишь. В школе милиции мы все зарядку утром делали. А теперь и не вспоминаем. Один ты ежедневно по часу гантели мучаешь — не утром, так вечером. Вон они у тебя в углу блестят, отполированные. Достанешь, да... А потом? Шобло не простит. Ведь его в зоне замордуют. Опустят, на иглу посадят, а то и яйца отрежут. Фармацевт только цыкнет... Ну, ты знаешь. Этого хочешь, Иван?

Мешков опустил голову. Не поднял ее, даже когда за другом захлопнулась дверь.

Игорь угрюмо пил кофе в «Блинной» и размышлял. Работать становится все труднее. Мафия оказывала непонятное сопротивление. Уже два «прокола» — магазин «Спортовары» и чайная на трассе. Жулики там несомненно приутихли, а вот деньги выплатить наотрез отказались. Дело не в деньгах, их сейчас навалом, весь вопрос: почему? Кто-то их вдохновляет. Но кто? Если он не разгадает, то его ждет поражение. И чем оно будет неожиданнее, тем сокрушительнее.

— Привет! Тебя каким ветром сюда занесло?

Перед ним стояла в голубом, туго обтягивающем халатике Лика — раскрасневшаяся, и как всегда, сияющая. У него перехватило дыхание.

— Вот тебя каким ветром сюда занесло? Ты ведь по таким общепитовским точкам не ходишь, предпочитаешь рестораны.

— И сейчас предпочитаю. А в обед обычно сюда забегаю... с нашими девочками, — она кивнула на стайку девушек в голубых

фирменных халатиках, которые образовали очередь у кассы. Он взгляделся в фирменный значок на ее высокой груди.

— Универсам... Ты там работаешь?

— Какая это работа? Журнальчики почитываю... Папин знакомый устроил. Надо же где-то перекантоваться до осени. Не хочу все время выпрашивать: маман, дай десятку, дай пятерку. На карманные расходы хватает. И подружки тут хорошие. А ты?

Окинула его оценивающим взглядом.

— Все в том же кривобоком костюме... — безжалостно констатировала. Игорь кивнул:

— Да. Это мой талисман. Надеваю по большим праздникам.

— Какой сегодня праздник?

— День святого Игоря.

— О-о! Уже в святые себя зачислил?

— Не я. Народ, — поднял он палец.

Лица засмеялась:

— От скромности не помрешь. По-прежнему веришь в большое и чистое?

— Да. В слона, который искупался в ванной.

Ее позвали. Она сходила, принесла кофе, блинчики.

— А знаешь, здесь стало уютно. Раньше... бр-р-р! Мы и не заглядывали. А теперь как по мановению волшебной руки...

Он промолчал. Не говорить же ей, что эта рука лежит сейчас рядом с ее рукой. Она наклонилась над столом.

— Но мы знаем... Это сделал Потребитель!

— Какой потребитель? — прикинулся он непонимающим.

— Не говори, что ты о нем не слышал, — она сделала глоток, откусила блинчик — Весь город гудит. Вот это мужчина! Хотела бы я посмотреть на него хоть одним глазком.

— Мужчина? — он криво улыбнулся. — А может, женщина?

— Ну да! Голос-то в трубке мужской...

— В трубке? — насторожился он.

Лица замаялась:

— Ну, девочки болтают... Звонит мужчина, называется Потребителем, требует улучшить работу, а если не подчиняются, то потом жестоко наказывает. Его все жулики боятся, — она понизила голос. — К нам из милиции приходили, ищут его. Всем телефон дали, по которому надо звонить, если он зайвится. Но мы и не подумаем! Пусть приходит! Все девушки ждут

«Вот откуда ветер дует! Жулики воспрянули духом...»

— И как же он наказывает? — равнодушно спросил он.

— Подкарауливает со своими бандитами и до полусмерти избивает. Похищает людей, подвергает пыткам. Загоняет иголки под ногти... Конечно, это жестоко, но иначе, видно, непзя. Уговоры да указы не действуют...

«Брехня! — чуть не крикнул он. — Что придумали, сволочи... Распускают грязные слухи... Ах, подлецы!»

— Тебе плохо? — донесся Ликин голос. — Ты прямо побелел!

— Ничего, — выдвинул он. — Это... от недоедания.

Взгляд ее стал жалостливым.

— Экономить на еде? — она снова посмотрела на костюм. — Вот и этот брак. Если бы ты пожаловался Потребителю... Только неизвестно, где он. Чему ты улыбаешься? Хочешь, я поговорю с девочками, они достанут тебе клеветную прикидку. И недорого.

Он окончательно развеселился.

— Не хлопочи. Мне и в этой прикидке неплохо, — потрепал

ее по плечу, повернулся и вышел. На улице распахнул пиджак и сказал в «уоки-токи»:

— Подъезжай к «Блинной».

В конце проспекта показался зеленый «Москвич».

Продавца все звали Грицько, хотя ему было уже под пятьдесят. Смуглый, с глазами навывкате, похожий не то на грека-пиндоса, не то на сиониста, сухощавый, юркий, он всегда рад был услужить покупателю. Но это была обманчивая услужливость. Работая вдвоем с женой, которая числилась заведующей, хотя на самом деле всем заворачивал Грицько, он держал городскую окраину в жестких ежовых рукавицах. У него была «черная тетрадь» для тех, кто брал товар в долг. Это называлось «записать».

— Запиши, Грицько, до зарплаты два дня осталось.

— На беспокойся, занесешь потом, — тот широко улыбался. Но с этого момента человек становился его должником не столько в материальном (взял-то на пару рублей!), сколько в моральном плане. Уже не откажешь, если Грицько попросит помочь починить крышу, нарезать дров бензопилой, привезти угля, кирпича или еще чего, вспахать казенным трактором обширный огород, который весной блестел от пленочных теплиц и за один лишь сезон приносил оборотистому малому «Запорожец», а то и «жигуль».

Некоторые, особенно пьяницы, просто попадали к нему в рабство, пожизненную кабалу: работали грузчиками в магазине, строили сарай, амбар, копали колодец, задавали корм свиньям, коровам, птице, выгребали навоз, а Грицько, покрикивал и материл их уже без всяких улыбок. И в то же время, имея такие баснословные прибыли, он не гнушался облапошить подслеповатую старушку или ребенка, который и считать-то не уметь.

— Дядьку Грицько, дай пряничков, — протягивал доверчиво деньги.

Грицько, сладко улыбаясь, давал малышу пряничков, не забывая оставить себе пятак-другой.

Его снедала, сжигала лихорадочная страсть к наживе, к деньгам, она стала смыслом и содержанием его жизни.

Вот почему телефонный звонок ударил его прямо в сердце. Невидимый собеседник бесстрастным голосом перечислил все его грехи, предупредил, что в случае повторения его ждет суровая кара и потребовал пять тысяч. Грицько так злобно заскрипел крепкими еще зубами, что чуть не раскрошил их. Но даже если бы у него потребовали не пять тысяч, а всего пять рублей, он остервенелся бы не меньше. Этот человек не любил выпускать из рук ни копейки, он просто не был для этого приспособлен. Ведь и в своем магазинчике он ничего не покупал, а брал, предзарительно обзоровав покупателей на такую же сумму.

Срок истекал. Грицько послушно приготовил сумку с деньгами, но все чаще поглядывал на белый квадратик бумаги, лежавший перед ним. Номер «горячего телефона». Позвонить или не позвонить? О грозном Потребителе он уже слышал немало, в том числе и устрашающего. «Придет со своими бандюгами и зарежет, хату спалит. А что? Ведь его поймать не могут? К нам же за помощью и обратись... Стражи!»

Вид сумки с ускользающими кровными, задушевыми червонцами доводил его до иступления. И в один из таких моментов в состоянии полного помрачения он набрал номер. Несмотря на позднее время, трубку тотчас сняли.

- Слушаю. Говорите, говорите!
- Так это, — прохрипел Грицько. — Потребитель должен прийти...
- Где? Говорите адрес! — Мешков быстро записал. — Когда придет?
- Через... — тот глянул на часы, — десять минут.
- Позднее не могли позвонить? — взорвался Мешков, но тотчас взял себя в руки. — Ладно, если придет, тяните время, выезжаем.
- Дежурный! Опергруппу с собакой срочно на выезд! Дежурил старшина Довбня.
- Что вы, Иван Герасимович! — загудел он растерянно. — Какая опергруппа? Кто домой ушел, кто в разгоне. Да у нас и всего-то половина оперсостава. А про собаку и не заикайся, проводник сразу собачится: старая, хвора, давно пора молодую взять. Мешков оцепенел.
- А если убийство? Что будете делать?
- Ну, ежели убийство, собирать будем, вызывать с дому.
- У вас что, никого в дежурке?
- Последнего полчаса назад на драку в кинотеатр вызвали. Сунув пистолет в кобуру под мышкой, Мешков кинулся по коридору и вдруг увидел выходившего из кабинета Непыйпиво. Тот был с портфелем, явно собирался домой.
- Сережа, хватай ствол, поехали. Никого нет, выручай. Уйдет!
- Кто? — остановился тот.
- Потребитель! Позвонили по «горячему телефону».
- Сергей осуждающе вздохнул, швырнул портфель в кабинет.
- Учи, — сказал уже на ходу. — Соглашаюсь только по дружбе, но в душе осуждаю и протестую. Его не хватать надо, а избирать мэром города.
- Они скатились к дежурке.
- Где машина? Узик, разгонный!
- Начальник домой уехал, — скучным голосом ответил Довбня.
- А его «Волга»? Персональная?
- Вы же знаете, бережет ее. Всегда домой на разгонной едет, — Довбня сочувственно смотрел на них. — Если срочно надо, возьмите мотоцикл участкового Путилина, у ворот стоит. Он только что приехал, наверх пошел, я ему скажу.
- Ну! — подбежав к черному мотоциклу с коляской, капитан ударил кулаком по бензобаку. — Это последняя капля. Завтра пишу докладную прямо министру. Дальше так работать нельзя.
- Весь путь на окраину они пролетели, не притормаживая на поворотах, и все-таки опоздали. Хозяин встретил их в воротах с убитым видом.
- Был. Только что. Уехал.
- Уехал? На чем уехал?
- Кто его знает. Слышу, машина посигналила у ворот. Стучат. Я к воротам, думал — вы. Открыл... а он в черной маске. Наставил, потребовал...
- Что наставил? Что потребовал?
- Что наставил, не разглядел, темно было, — вдохновенно врал Грицько. — А потребовал деньги, что еще? Пришлось отдать разбойнику все, что сберег, скопил трудом неустанным...
- Сколько? — прервал его причитания Мешков.
- Пя... пятнадцать тысяч, — боязливо сказал Грицько. «А что,

если словят, скажу, что пятнадцать. Пусть отпнется!»

— Ого! И вы так запросто отдали?

— Отдашь, — злобно огрызнулся тот. — Коль разбойники прямо на дом заявляются, нож к горлу. А наша милиция...

Мешков поиграл желваками.

— Ладно. Пройдемте в дом, составим протокол.

— Ты заметил, как он запнулся на цифре? — спросил Сергей, когда они вышли из дома, закончив формальности.

— А как же. Либо пять, либо пятьдесят. И в том, и в другом случае мы имеем дело с отпетым прохвостом. Ничего, зато псы-вилась реальная зацепка — первые показания на вымогателя.

— Эх, Ваня... — вздохнул Непыйпиво.

Селектор тихо дзинькнул, засветилась молочно клавиша. Видный сановник области нажал на нее.

— К вам Виктор Семенович, — проворковал голос в динамике.

— Пусть войдет.

Дока вошел, излучая радость. Еще с порога протянул обе руки навстречу. Фефимыч грузно поднялся и вышел из-за стола.

— Каким ветром? — скупой улыбнулся.

— Шел мимо, думаю, дай зайду.

Поговорили о погоде, здоровье, неблагоприятных по геофизике днях, о новых провалах президента. Дока перешел к делу.

— Пора с Потребителем кончать, — обрисовав положение в городе, заключил Виктор Семенович. — Много пакостей навтормил уважаемым людям. Говнюк.

Фефимыч стиснул авторучку так, что побелели пальцы.

— Не ходи околясами, — сердито буркнул. — Чего надумал?

— Помнишь Валета? — понизил голос Дока. — Думаю, пора и этому на покой... в асфальт.

— Но сначала его нужно найти. Пока ничего. Литовка бессилён.

— Что полковник Литовка бессилен, об этом все девки знают, — махнул рукой Дока. — Нет, у меня другой план.

— Какой?

— За дело возьмутся те, которые Валета нашли. Уже едут.

На лицо Фефимыча набежала тень.

— Ну и что?

— Ему нужна надежная крыша, чтобы туда никто не мог сунуться. Ни с ордером, ни без ордера.

— А твои явки? Собственная квартира?

— Все засвечено. Именно там и будут искать в случае чего. Как только сексоты капнут...

— Но мимо меня не пройдут!

— Эх! — Дока махнул рукой. — Мало ли какие случайности бывают. У этого Потребителя масло в голове есть. Голыми руками его не возьмешь, дьявольски увертлив. А случайности должны быть исключены.

Он машинально повторил последние слова Кости Фармацевта, который по телефону велел ему найти «крышу высокого разряда». «Случайности должны быть исключены».

Фефимыч откинулся на спинку кресла.

— Ты что? В мою квартиру? В уме ли?

— А почему бы нет? — в голосе Доки звякнул металл, который хорошо был знаком тем, кого он брал за горло. — Твоя квартира

вне подозрений, а главное, вне досягаемости. И такой останется. Дело свое ребята знают. Никому и в голову не придет...

— Да ты совсем офонарел! — Фефимыч перешел на привычный ему язык ругани. — Чтобы я впустил в свою квартиру уголовников...

Он вскочил и забегал по кабинету. Дока злорадно следил за ним.

— Уголовников? А мы кто? Брось, Фефимыч, ты не перед серыми массами. Кроме нас, никто нас нынче не спасет. У каждого такой хвост...

— Какой хвост? — Фефимыч затряс кулаками. — Что порешь?

Дока задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Про Ваню Полозкова читал? Как он шашлыками и девочками ублажал столпов и теперь на верхушке оказался. А ведь он куда выше тебя! Докопались, облили помоями. А у тебя такой же шашлычник, бывший шофер-холушка в полковниках ходит. Да что шашлычник! Ты сам-то из каковских? В биографии скромно сказано: «Находился на партийной, политической работе». Вот именно, политической. Квасил морды политическим да жидам-инакомыслящим...

— Ты мое не трожь! — на Фефимыча было страшно смотреть. — Я верил... Тебе ли понять, гад, жулик! Убью, сгною!

— Ай-ай-ай, — Дока невозмутимо покачал головой. — Прошло то времечко, Фефимыч, когда ты мог безнаказанно гноить людей. Да, я жулик, а кто меня таким сделал? Как сабантуйчик, ко мне: «Семеныч, организуй». И организовывал на тысячи и тысячи, потом эти тысячи списывал. Вы хоть рубль когда платили, крохоборы с красным билетом? А подарки? А сувениры с алмазами? Что говорить, давно переговорено. Лучше высморкайся и садись, потолкуем ладком.

Фефимыч обессиленно опустился в кресло, с шумом выпустил воздух, будто проколотый шар. Потянулся к сейфу, выволок звякнувшую бутылку «Наполеона», разлил в предупредительно протянутые Докой стаканы богемского стекла. Молча выпили, с ненавистью посмотрели друг на друга.

— А куда я жену, дочь дену? — спросил Фефимыч. — Что им скажу?

— Очень просто, — ответил буднично Дока, будто продолжая задушевный разговор. — Скажи, приезжает группа друзей, пусть пока на даче поживут. Машиной обеспечить и все дела.

Костя Фармацевт въезжал в город глубокой ночью. Он сидел один на заднем сиденье роскошного перламутрового «олдсмобиля», купленного во Франции, утопая в мягких замшевых подушках. Впереди, рядом с шофером, сидел начальник «службы безопасности» (СБ — служба безопасности) Федька Кривой. Его единственный налитый кровью глаз не отрывался от идущего впереди большого черного «ЗИСа», некогда обслуживавшего членов правительства, а при замене на «Чайку» перекупленного для членов правительства преступного мира — машина была в прекрасном состоянии. В ней ехала «пехота» или «бомбардиры» — личная охрана «авторитета», отборные крепкие парни, сумрачные и решительные. Джек Тихоня, Янек Седой, Леня Футболист, Гога Скачок и Алик Бешеный, который вел машину. Это были люди с «чистой биографией», то есть без судимостей — бывшие десантники, от-

ставные спортсмены, пережившие пик сладких успехов, славы, известности, а потом быстро забытые обществом.

С виду Костя напоминал преуспевающего министерского работника или известного киноартиста. Пышная рыжеватая шевелюра с яркой белоснежной прядью посередине, живые темные глаза, прямой римский нос и красиво очерченные губы, всегда кривившиеся в насмешливой улыбке превосходства, сразу показывали окружающим, что это человек успеха. Он и одет-то был, как киноартист: дороговое шагреновое пальто, тонкий свитер, темные вельветовые брюки, мокасины. Костя не пил и не курил, поскольку имел медицинское образование и хорошо знал пагубное действие алкоголя и никотина на серое вещество мозга.

Правда, фармацевтом он не был, как не был Перестукиным, Алябевым, Константиновым, Брыкиным, Полозовым, Фоминым, под фамилиями которых проходил в многочисленных ориентировках. Все же, биография его была столь темной и запутанной, что ни один следователь так и не разобрался в ней до конца. Нас же интересуют два момента: как из скромного молодого врача «Скорой помощи» на выезде он превратился в дерзкого «гонимика», а потом в квалифицированного «разгонщика», наводившего ужас на жуликов-толстосумов.

Ютась в крохотной сырой комнатухе, а точнее, в «углу», который он снимал у одной сварливой старухи, питаюсь всухомятку — пирожками да бутербродами, — Костя мирился со всем, даже с вечными тараканами и клопами, вынашивая честолюбивые замыслы. Но... Время шло, а вождельный успех не приходил. Вверх пробивались не таланты, а угодливые бездари, имевшие «волосатую руку», влиятельного тестя, дядю или тетю.

С отчаяния Костя стал делать нелегальные абортс дочкам известных функционеров или легкомысленным дамочкам, боявшимся мужа и огласки. Но вскоре подзалетел и был осужден на два года. Его образование довершили иные профессора, авторитеты уголовного мира, которые покровительствовали ему, поскольку молодой фельдшер медчасти колонии всегда выполнял их просьбы, освобождал от работы, снабжал «колесами», спиртом и другими препаратами, украденными из медчасти. Эти и просветили.

— Лопух, — благодушно сказал один из них, Сан Саныч (так его называли в колонии, хотя по документам он был Владимир Петрович), наглотавшись «колес». — Ковырялой стал. Наше дело мужское: чистить... заглазники. Говоришь, у твои пациентов рыжья много?

— У-у! Войдешь в квартиру, все блесит!

— Во, — закричал Сан Саныч. — Вспоминай адрески, пригодятся.

Профессиональная память Костю не подвела. Он вспомнил многие адреса... Некоторые из них Сан Саныч передал на волю своим друзьям, и лишь много позже Костя оценил его воровскую мудрость. Старый «зычара» все рассчитал, даже то, что его срок кончался вместе со сроком молодого врача.

— Держись меня, голубок, большим авторитетом станешь.

Он был худой, морщинистый, как все наркоманы, но темные страдающие глаза, опущенные густыми ресницами, придавали его лицу мечтательность музыканта. Впечатление усиливали длинные пальцы тонких нервных рук. Ни дня в своей жизни он не работал, но когда в поезде, несшем их в родные места, прошел по вагонам, то вернулся с пучком разных купюр.

— Вот наша зарплата. А то выдали на дорогу, сволочи, подтереться не хватит.

В родном городе Кости он сразу нашел своих дружков, устроили их на тщательно законспирированной малине. Впрочем, родным Косте этот город назвать было трудно — никого из близких, просто работал здесь перед «посадкой». Родители догорали где-то в глухом селе на Винничине. Это было удобно для «дела»...

Тогда Костю «вычислил» один видный чекист, пусть будет Юрий Викторович — так он позже назвался Косте (хотя подобных имен у него было не меньше, чем у самого Сан Саныча). Ему под большим секретом пожаловался друг-начальник, как его обокрали, и он решил провести личное расследование. На удивление быстро вышел на Костю и на удивление быстро с ним столкнулся. И началось сотрудничество Кости с чекистом. Какие задания выполнял Костя и какие подвиги совершил, даже нам не дано знать, все скрыто в бетонных засекреченных архивах и не скоро будет предано гласности.

Сан Саныч давно погиб от наркотиков. Но те же самые красноречивые признаки Костя вдруг с удивлением и страхом обнаружил у своего высокого покровителя во время очередной конспиративной встречи. Тот недавно провел крупную операцию по перехвату контейнера с наркотиками, следующего через нашу страну транзитом из-за бугра. И видимо, операция эта стала губительной для Юрия Викторовича: попробовал сам и втянулся. Вскоре подозрения подтвердились: покровитель стремительно покатился вниз по лестнице, ведущей вверх. Наступило время, когда ему, дрожащему и опустившемуся, уже доставал губительное зелье бывший подопечный Костя. Но не жалел об этом: покровитель перед тем, как вылететь из органов, снабдил его целым чемоданом ампул с «препаратом истины». Вот с того времени Костя стал работать по-крупному...

А сейчас он ехал в свою вотчину, чтобы навести там порядок и собрать ежегодную дань с дельцов. «До чего дожили, — сокруженно размышлял он, покачиваясь на подушках «олдсмобилей» и поглядывая на черные силуэты проносившихся мимо деревьев — осень уже дышала прохладой. — Появляется какой-то сопляк и нагло снимает пенку с моего ведерка молока. А эти слизняки покорно отдают мои кровные, забыв о том, кто здесь истинный хозяин. Разложилось общество, идут хаос и смута...»

Предоставив своим «бомбардирам» загонять машины в заранее подготовленные гаражи, Костя с верным Федькой Кривым, державшим обе руки в карманах, поднялся на третий этаж и позвонил. Встретил его радушно сам Дока. В роскошной гостиной, ярко освещенной огнями восьмиламповой люстры, был накрыт богатый стол. Гости разделись, умылись с дороги, их провели и показали приготовленные апартаменты.

Ужин затянулся до полуночи. Подали кофе, коньяк «Камю», лимоны, пирожные. Костя попросил кипятку, чайничек и заварил себе специально приготовленный стимулирующий и одновременно успокаивающий лечебный чай. Прихлебывая и жмурясь, тихим голосом прервал Доку:

— Пробуду у вас дня три, не больше. Дела, дела...

— Но как же этот, Потребитель? Ведь его найти надо! Покоя не дает, паразит.

— А зачем искать? Сам придет. Говоришь, он не терпит жульничества в торговле? И правильно делает. Вот с завтрашнего дня

и выбросьте в продажу что-нибудь залежалое, похабное. Продавайте внаглую, идите на беспредел. Он и высунется.

Дока с уважением посмотрел на гостя. Да, не зря тот добился такого высокого положения в своих кругах.

— Ну, а дальше моя забота. Ты лучше подыщи мне на эти дни приличную подружку, а то скучно будет сидеть в четырех стенах да считать засаленные купюры.

— Есть, есть такая! Отец у нее важная шишка, боимся подступиться. М-м, пальчики оближешь! Кстати, это ее квартира. Точнее, родителя.

Дока злорадно вспомнил, как ФEFимыч грозил ему, обзывая жуликом. Такое не забывал.

Костя благосклонно кивнул головой. Отец оказался ему известен, и это было приятно.

— Вот и породнимся. Значит, завтра пригласи ее на обед в тот круглый зальчик ресторана. Пора и отдохнуть...

Звонок раздался на исходе второго дня в кабинете Доки. Тот схватил трубку.

— Слушаю.

— Это Потребитель! Не смей продавать людям заморское мыло для скота.

— Но ведь они берут, — спокойно ответил Виктор Семенович. — И даже благодарят.

— На первый раз делаю предупреждение. Мыло убрать сейчас же.

— Не могу, — сказал Дока. — Там большая очередь. Обещаю только с завтрашнего дня. Точно.

— Ладно. Порядок знаешь? Приготовь сумку, как обычно.

— Послушайте, — торопливо заговорил Дока. — Мне нужно встретиться с вами лично. Очень нужно.

— Зачем?

— Мы могли бы договориться, выработать какие-то соглашения. Наши люди в напряжении, они запуганы. Выслушаем ваши требования, обсудим их.

— Мои требования известны: торговать честно, продавать доброкачественную продукцию.

— Мы тоже этого хотим! Но что нам поставляют, знаете? Впрочем... с Нового года ваши усилия станут бесполезными. Пришел Циркуляр из центра.

— Какой циркуляр?

— Секретный. Но при встрече покажу. Идут великие перемены...

— Да? — Потребитель минуту раздумывал. — Они все время идут, а до нас что-то не доходят. Ладно. Будь у телефона, скоро перезвоню.

Этого времени вполне хватило Доке, чтобы перезвонить самому. Фармацевт кивнул Федьке Кривому:

— Поднимай пехоту.

Звонок раздался снова через семь минут.

— Бери документ, выходи на улицу и иди в сторону площади.

В синем плаще-реглане и велюровой шляпе Дока шел по улице неторопливым прогулочным шагом. В воздухе висела дождевая пыль. Спускались сумерки, вспыхнули неоновые огни вывесок, ре-

клам. В висках стучала мысль: «Успели или нет? Никого не видно...»

«Бомбардиры» успели. Один впереди, другой сзади, третий по противоположному тротуару, они сопровождали Виктора Семёновича. В густой вечерней толпе их было невозможно заметить. Сопровождавшие машины двигались по соседним улицам, выполняя команды Федьки по «уоки-токи».

Еще одна машина, неприметный зеленый «Москвич», приткнулась к обочине.

— Вот он. Один, видишь?

— Ну и что? Головорезы не пойдут с ним под ручку.

— Вряд ли он успел связаться. На это у него просто не было времени. Семь минут после первого звонка, и еще три после второго. Я засекал.

Сидевшая сзади Ванда заметила:

— Игорь, у меня плохое предчувствие. Может, просто ограничиться проверкой? А встретиться в другой раз. Прийти к нему внезапно в кабинет. Там-то он ничего не сделает.

— А тут что сделает? Кругом народ. Женские страхи.

Он решительно открыл дверцу.

— Что бы ни случилось, не выходите, следуйте в отдалении,

Дока вздрогнул, когда кто-то взял его за рукав.

— Разрешите прикурить? Спичек нет.

Дока не курил, но сейчас он неторопливо вынул зажигалку, пылливо всматриваясь в высокого художавого парня в куртке и свитере, потрепанных джинсах. Прикурив, тот сказал тихо:

— Где документ? Давай!

— Ах, это вы! — Дока всплеснул руками — условный знак. — Сейчас, — он полез в боковой карман.

В лицо Игорю брызнула едкая струя. Все поплыло перед глазами, ноги подкосились. Дока подхватил его, замахал рукой:

— Такси, такси! Человеку плохо.

Из-за угла вывернулся «жигуль» кофейного цвета и остановился у обочины. Шофер выскочил и помог Доке втащить безжизненное тело в салон. Зеленый «Москвич» дернулся и остановился посреди улицы. Сзади засигналили. Это не укрылось от единственного острого глаза Федьки Кривого. Он отвернул борт плаща.

— Крест-один, Крест-два! Сюда!

Зеленый «Москвич» тронулся с места.

— Его увозят! Что они с ним сделали?

— Ничего, едем за ними, — Роман газанул. Он и не подозревал, что его «Москвич» уже взят в вилку.

«Жигуль» остановился у красивого многоэтажного здания «престижной» постройки. Шофер и Дока вытащили Игоря и скрылись в подъезде. Зеленый «Москвич» остановился поодаль. Напряженно наблюдая за подъездом, ни Роман, ни Ванда не заметили, как еще две машины спереди и сзади скользнули к обочине и замерли. Никто из них не вышел.

Игорь очнулся. Голова раскалывалась от боли. Пошевелился, что-то мешало. Открыл глаза. За широким овальным столом сидел незнакомый человек и внимательно на него смотрел.

— Оклемался? — спросил он тихим голосом. — Вот и ладненько.

Перед ним лежали «уоки-токи», пистолет, кошелек, носовой платок, вынутые из карманов Игоря.

— Хорошая оснастка, — кивнул человек, перехватив взгляд Игоря. — Ничего лишнего, даже документов. Видно, что имеешь дело с человеком солидным.

— Кто вы? — спросил юноша, еле шевеля языком. Понял, что привязан к стулу. Обстановка квартиры показалась смутно знакомой. Картина «Психея» на стене... где он ее видел?

— Костя. Зови меня Костя, хотя я несколько и старше.

— А-а... — острая боль колола виски. — Костя. Тот самый.

— Ты уже слышал обо мне?

— Да. Один жулик просил передать тебе наворованные деньги.

— Кто?

— Это Моргунок, — пояснил кто-то. — Наложил в штаны с перепугу.

Игорь скосил глаза: сбоку стоял директор универсама.

— А, это ты, гнида. Заманил... Ничего, я с тобой рассчитаюсь.

Широкая твердая ладонь протянулась сзади и резко ударила Игоря по лицу. Из разбитых губ потекла кровь.

— Погоди, Скачок. Мы пока беседуем. А грозить нам не следует. Мы этого не любим, — голос Кости утратил задушевность.

— Нужно отвечать только на наши вопросы. Итак, сколько человек работает с тобой? Сколько вас?

— Много, — процедил Игорь. — Нас много. Тысячи...

— Это пафос комсомольцев тридцатых годов. Повторяю вопрос.

— Все равно всех вас передадим.

Страшный удар кулаком в скулу сотряс все его тело, в глазах зароились звезды. Стул покачнулся.

— И это еще вполсилы, — словно из тумана донесся голос. — Если бы ты стоял, то скакнул бы в тот угол. Не зря его зовут Скачок. Последний раз спрашиваю...

— Напрасно, — прошептал Игорь. — Напрасно спрашиваешь.

В глазах Фармацевта вспыхнули зловещие огоньки.

— Молодогвардейца из тебя не выйдет. Не тот закус, да и времена нынче не те. Я могу заставить тебя рассказать все, но у меня нет ни времени, ни желания. Мы сделаем быстрее и проще.

Он извлек из-под стола еще один «уоки-токи» и поднес ко рту.

— Сколько их?

— Двое, — захрипело в ответ. — Сидят в машине.

— Наблюдайте, — он выключил. — А сейчас займемся ими.

Он повертел в руках аппарат Игоря.

— Полевой радиотелефон японского производства. Полезная штучка. Связываешься только со своим человеком. Сейчас он на связи и от нетерпения сучит ножками. Голос твой наверняка знает. Но мы будем говорить шепотом, по нему тембр голоса не определишь.

Игорь рванулся. Фармацевт сделал знак, и широкая липкая лента заклеила юноше рот. Он бессильно застонал. Удовлетворенно улыбнувшись, Костя включил радиотелефон.

— Ты меня слышишь? — прошипел он.

— Слышу! Игорь! — загудел бас Романа. — Где ты? Что с тобой?

— Меня привязали. Наверное, не обыскивали, рация со мной. Руку удалось освободить... Куда-то вышли. Видел их?

— Нет, машина у подъезда.

— Значит, где-то тут, по соседству. Поднимайся скорее сюда,

развяжи. Третий этаж, направо черная дверь. Если вернутся... их всего двое, сладишь. Возьми оружие.

— А Ванда? У нее пистолет.

— Пусть ждет.

— Иду.

Через минуту на лестнице послышался шум, потом несколько человек, пыхтя, втащили что-то тяжелое и бросили посреди комнаты. Роман. Из головы сочится кровь, глаза закрыты.

— Здоровый, бугай. Пришлось оглушить.

— Молодцы, гвардейцы! А девица?

— Сейчас притащат.

Прильнув к стеклу, Ванда следила, как Роман торопливо перебежал через дорогу и скрылся в подъезде. Сбоку в окно постукали.

— Девушка, не подвезете? Спешу. Куда едете?

Она потянулась и приотпустила боковое стекло.

— Я никуда не еду.

— Вот это правильно, — в лицо ей ударила едкая струя...

— Ну, теперь вся компания в сборе, — Фармацевт удовлетворенно оглядел Игоря и Ванду, привязанных к стульям, Романа, валившегося посреди комнаты. — А ты кричал: тысячи. Полюбуйся, коллега, какие зеленые шмаркачи держали в страхе столько достойных людей, — обратился он к Доке. — Но достаточно появиться истинному хозяину, как шмаркачи утрачивают весь свой боевой пыл. Жалкие, зеленые шмаркачи.

— Профессиональная работа, — подобострастно вздохнул Дока. — Мы такого не умеем.

— Ну, то, что умеете вы, не умеем мы, — утешил его Костя. — Каждому свое, как говорил один мудрый человек.

По его знаку со рта Игоря содрали пластырь.

— Теперь ты убедился, как работаем мы, — повернулся к нему Фармацевт. — Однако ваша троица мне понравилась. Подобрана умело, да и действовали неплохо... для начинающих.

Он повертел отобранный у Романа автомат и сунул его под стол. Ванда с трудом подняла голову.

— Очнулась птичка. А теперь слушайте внимательно. Я могу простить вас, ваши грехи молодости при одном условии: вы поступите ко мне на службу. Мне нужны люди, которые находятся на месте и ведут здесь мои дела. Можно сказать, испытательный срок вы прошли. И если будете служить честно...

— Тебе? Грязному бесчестному вору?

Второй удар обрушился на Игоря, он замотал головой.

— Для симметрии. Ну что ж... вольному воля. Что там такое? Грубый голос от двери откликнулся:

— Там эта... шалава. Рвется сюда.

По лицу Фармацевта скользнуло легкое облачко досады.

— Не вовремя. Хотя... в конце концов это ее квартира. Уберите их в соседнюю комнату, — указал он на Ванду и Романа. — Этого оставьте.

Через минуту в комнату влетела Лика, шурша плащом.

— Ты ведь обещал, что мы пойдем... — она запнулась. — Ой! Фармацевт подошел и галантно поцеловал ей руку.

— Ты его знаешь?

— Н-нет. Кажется, где-то встречала...

— В таком маленьком городе немудрено. Ты хотела видеть Потребителя? Вот он, перед тобой. Любуйся.

Глаза ее изумленно расширились.

— Это Потребитель? Он... А почему связан?

— Вздумал немного побуйствовать. Пришлось вразумить.

Лица не отводила глаз от Игоря. Он мрачно смотрел в угол. Теперь он понял, чья это квартира.

— Что ты собираешься делать с ним? — она уже полностью овладела собой и даже попыталась кокетливо улыбнуться Косте.

— Решаю не я. Решает Высший Принцип. А он нарушен, — Костя вздохнул. — За его нарушение следует суровая кара.

Лица быстрым взглядом скользнула по жестоким лицам громил, по веревкам, опутавшим Игоря. Пистолет на столе...

— Ну, это ваше дело, — сказала как можно беззаботнее. — Значит, поход в театр откладывается?

— Почему? Я ничего не откладываю. Через десять минут освобожусь. Подожди в моей машине. Она внизу.

— Через десять минут жду! — она крутнулась на каблучках и выбежала. Костя посмотрел ей вслед затуманенным взглядом.

— Хорош!

— Ты и вправду собираешься в театр? — озадаченно спросил Дока.

— Зачем? — Костя пожал плечами. — Через десять минут отъезжаем. А эту... возьмем с собой. Дорога длинная, скучная... Пусть развлечет, а потом к папане отправим. Если будет вести себя прилично.

— Папаня разбушует, — с сомнением протянул Дока.

— Мне некого бояться! — голос Фармацевта стал резким. — Ну, за дело, гвардейцы. Приготовьте амуницию для этих... Мы спустим их на дно в таком месте, где не скоро найдут. А найдут, так не опознают.

— Кадычки надрежем? — деловито спросил Федька.

— Только не здесь! — Дока побледнел и замахал руками.

— Нервы слабые? Бугая полейте водой, чтобы оклемался. Итак, у меня всего десять минут. По три минуты на каждого. Ну что, ты не передумал? — повернулся он к Игорю.

Лица бежала по темным улицам, словно спасаясь от какого-то монстра. Так вот он каков, этот лощеный красивый «джентльмен», как он ей представился. «Джентльмен по особым правительственным поручениям». Роскошный автомобиль, море денег, все перед ним лебезят, заискивают... Обосновался в их квартире, и она восприняла это в порядке вещей. А на самом деле монстр, страшный монстр уголовного мира. Неужели отец знал? Она вспомнила его рассказы о грозной мафии, опутавшей город, о кровавых расправах с неугодными. Ей казалось, что он рассказывает о каком-то далеком мире, выдуманном и нереальном. А на самом деле он сам... Игорь... как они его избили! Значит, это он нагнал на них страх! И теперь они собираются с ним расправиться.

Как фамилия того следователя? Мешков... капитан Мешков. Где его телефон? Сейчас... сейчас... — она торопливо рылась в сумочке. — Вот!

Очутившись в телефонной будке, еще раз оглянулась. Никого. Дрожащим пальцем набрала номер телефона.

Мешков все еще сидел в своем кабинете за письменным столом, когда резко зазвонил телефон. Задыхающийся голос:

— Мешков? Да? Вот хорошо, застала... Там сейчас Потребитель, его собираются убить... Сделайте что-нибудь!

— Адрес? Есть. Сколько их? Много? Ясно. Кто вы?

— Они меня убьют... — короткие сигналы.

На этот раз капитан не дал застать себя врасплох. Тем более, что с недавнего времени по соседству обосновался батальон ОМОНа, где у Мешкова нашлись и друзья, и единомышленники. С одним из них он сразу же и связался.

— Выезжаем, — коротко ответил тот.

Спецрафик несся сквозь полосы моросившего дождя, включив сирену и не сбавляя скорость на поворотах. Мешков поглядывал на парней в непривычных доспехах: шлемы, бронежилеты, сосредоточенные лица, и его охватывало уже полузабытое чувство уверенности. «Вот она, надежность нашей работы. Профессионализм, выучка, экипировка. Эти не подведут...»

Он тронул за рукав командира Женю Кудрю.

— Сирена.

Вой умолк, последние кварталы проехали тихо.

— Здесь.

Парни нагнули на лица прозрачные забрала, натянули перчатки, поправили ремни, крепления. Один за другим быстро выскакивали наружу. Мешков перебежал через дорогу, нырнул в подъезд. Квартира сорок пять. Вернулся к рафику.

— Третий этаж. Вон, вон окна светятся.

Женя удовлетворенно кивнул головой:

— Хорошо, что третий. Иначе пришлось бы на веревках. Коля, Вася, Олег, на взлет! Владик, за мной!

Мешков зачарованно смотрел, как Вася и Коля, держа задний конец шеста, бежали к дому, перед ними несся Олег, фиксируя рукой передний конец. Казалось, на глазах разыгрывается давний-давний цирковой аттракцион «Человек-муха». Олег легко взбежал по гладкой стене до балкона третьего этажа, вымахнул на перила, согнул ноги в коленях и в мощном прыжке врезался в широкое зеркальное стекло.

А в квартире в это время случилась непредвиденная заминка. Когда Фармацевт обрисовал Ванде ситуацию и предложил сотрудничать, она ничего не ответила. Молча смотрела на него сухими ненавидящими глазами сквозь спутанные волосы.

— А ты деваху ничего, — вдруг заметил Костя. — Возможно, мы и не станем топить тебя вместе с дружками. Возьмем с собой, чтобы не скучно было. А, бойцы?

Бойцы довольно загоготали.

Ванда плюнула Фармацевту в морду. Не вытирая плевка, он вскочил на ноги и завизжал:

— Еще никто не плевал в лицо Кости Фармацевта! Запомни это перед смертью! Страшной смертью, но ты будешь молить о ней, как об избавлении.

Он вытер лицо белоснежным платком и махнул:

— Пожалуй, сейчас и начнем. Распяльте ее, хлопцы. Вот тут, рядом с дружкой, — он кивнул на черный пластиковый мешок, извивавшийся на ковре. В него был запакован Игорь.

Он сел, достал из кармана золоченую коробочку и набрал на

ноготь белого порошка. Понюхал, закрыв глаза. В последнее время Костя тоже стал баловаться кокаинчиком — где-то в специальной литературе вычитал, что этот препарат не действует губительно на организм, от него легко отвыкнуть. С наслаждением наблюдал, как умело действуют его гориллы, не обращая внимания на отчаянное сопротивление девушки.

На балконе послышался шорох, и в широкое окно в звоне и блистающем ливне стеклянных осколков влетел Олег. Ударившись кованными ботинками о паркет, он покачулся и выпрямился. В прижатой к бедру руке неуловимо появился и тускло блеснул пистолет.

— Стоять! — гаркнул он.

На его несчастье, ближе всех стоял Леня Футболист, умевший снимать ногой не только футбольный и даже теннисный мяч, но и муху в полете. От его точного удара пистолет выскочил из руки и заплесал на полу. Леня тут же упал, заливаясь кровью: тяжелая перчатка, усиленная по ребру ладони гибкой металлической полосой, врезалась в его скулу. Но справа и слева на Олега бросились Янек Седой и Джек Тихоня.

Квартиру потряс глухой удар. Женя и Владик, услышав условный окрик Олега «Стоять!», разогнались и согласованно саданули в дверь. Дверь сорвалась вместе с коробкой, стальными штырями и кирпичами, в которых они крепились. Не ожидавшие такого слабого сопротивления Женя и Владик рухнули на нее и словно на саях, поехали по паркету прихожей, задрав ноги. Дежуривший тут Алик Бешеный не растерялся и повалил на них стоявшие у стены стеллажи с книгами. Но не успел воспользоваться моментом и перестрелять тех, кто выбирался из-под золоченых томов Горького, Толстого и других классиков. Едва поднял крупнокалиберный «люгер», как ворвавшийся первым Вася рубанул его по руке, а следовавший за ним Коля припечатал к стене так, что тот мешком сполз на пол. Женя и Владик смахнули, наконец, с себя стеллажи.

Схватка кипела по всей квартире. Никто не стрелял, боясь попасть в своих, действовали кулаками, ногами, головами. «Бомбардиры» оказывали достойное сопротивление, но все их сокрушительные удары напарывались на латы омововцев. То один, то другой вырубался.

В первые же секунды Дока скорчился за столом, обхватив голову руками, и тем помешал Косте прорваться к оружию. Опрокинув Доку, Фармацевт нырнул под стол.

Дверь в соседнюю комнату распахнулась. От ведра холодной воды Роман пришел в себя, но сначала притворился и тихо стоял. Скачок пнул его в бок:

— Поднимайся, паскуда!

Звон, грохот и крик «Стоять!» застали его врасплох. Роман понял, что пришла какая-то подмога, открыл глаза. Ожидал, что Скачок кинется к двери, но тот вполголоса выматерился, метнулся к окну и стал возиться с защелками. И уже закинул ногу через подоконник, когда налетевший сзади Роман от души врубил ему сомкнутыми руками по хребту.

— В расчет!

Коротко хрюкнув, Скачок замер на подоконнике. Ударом ноги Роман распахнул дверь. Когда он появился на пороге со страшным, залитым кровью лицом, заговорил автомат.

Костя наконец добрался до автомата, «конфискованного» у Ро-

мана. Передернул затвор, поднялся и нажал на спуск.

Самый отпетый авторитет, на котором висят десятки преступлений, словно репейники на собаке, не станет стрелять в мента или омовца — верная вышка. А так есть надежда выбраться рано или поздно на волю. Да и за колючей проволокой жизнь у авторитета не полнынь горькая: жратва, женщины, наркотики, водка, власть. Поэтому Фармацевт особенно не волновался, когда ворвались менты: друзья выручат, валюты море. А перед валютой и колючая проволока рвется, как нитки.

Но сначала следовало убрать свидетелей. Правда, если бы Фармацевт хорошенько подумал, поразмышлял где-нибудь в тиши и покое, то не особенно опасался бы этих свидетелей. Сами замешаны в разгоне по крупняку, и явно готовящуюся акцию их «замачивания» всегда можно выдать за сведение счетов между своими, а на такое власти смотрели благосклонно — пусть уничтожает себя крапивное семя.

Но мозг был одурманен кокаином, жгла злоба от плевка в морду: такое страшное оскорбление знаменитого авторитета в уголовном мире смывается только кровью — и немедленно.

Твердо и решительно он прошелся длинной очередью по лежавшим на ковре мешку и телу девушки, а потом, не мешкая, перевел ствол и всадил остаток в Романа.

Очередь переломила его пополам. Прижав руки к животу, согнувшись, с перекошенным от мучительной боли лицом, на котором трескалась корка засохшей крови, он, как в страшном сне, пошел неверными шагами к Фармацевту, словно сиюсь что-то сказать и донести последнее, важное. Тот презрительно смотрел на него. Стояла мертвая тишина. Доковыляв до стола, Роман вдруг легко выпрямился, широко улыбнулся и вырвал автомат у остолебневшего бандита.

— Просчитался! Мы не такие душегубы, как ты. Стреляем только холостыми. Прими подарочек!

И ударил его в ухо наотмашь, по-русски, так что Фармацевт пролетел через комнату и врезался головой в стену.

Послышались быстрые шаги, и на пороге появился мокрый от дождя Мешков, сжимавший в руке пистолет. Он немного задержался, опасаясь внешнего подкрепления — а вдруг Фармацевт оставил снаружи своих людей, и те поспешат на подмогу. Однако никто не появлялся, сверху доносились шум, треск, глухие удары, крепкий мат, стали распахиваться двери квартир, послышалась автоматная очередь.

Чуть присев, Мешков повел стволом вправо, влево, ловя взглядом подозрительные движения и готовый сразить каждого, кто пошевелится. Он напоминал ковбоя из фильма, ворвавшегося в салун, где мирно играют в шахматы. Это выглядело настолько комично, что Женя взорвался хохотом.

— Да убери пушку! Все готовы.

За ним неудержимо захохотали другие — нервное напряжение скоротечной схватки требовало разрядки. Жильцы испуганно заглядывали в дверной проем, словно взорванный гранатой — квартира большого, уважаемого в городе человека порушена, в ярко освещенной гостиной полным-полно людей в каких-то невиданных доспехах, валяются тела, побоище...

Мешков спохватился, спрятал пистолет.

— С вами кашу есть — не угоишься... В квартиру не заходите! — гаркнул жильцам. — Милиция. Разыщите старшего по подъезду.

Женя, волокиты их в рафик, обиходный наручниками. А это что?

Полуголая Ванда, всхлипывая, пыталась развязать черный пластиковый мешок, но только ломала ногти о крепкие узлы. Женя выхватил клинок, разрезал веревки.

Капитан склонился и увидел бледное разбитое лицо юноши. Он помог ему подняться.

— Это Потребитель! — завизжал вдруг стоявший на четвереньках Дока. — Бандит! Он, он во всем виноват...

— Молчать! Разберемся, кто виноват. Где Фармацевт? — по какому-то наитию спросил он.

Дока боязливо оглянулся на лежавшего у стены Костю.

— Убит! Жаль, жаль... нет, шевелится. В машину! Кто тут с тобой? — спросил он Игоря. Тот указал на Ванду и Романа.

— Эти пусть останутся. Сейчас вызову из райотдела разгонную, повезу сам.

Он подошел к телефону, набрал номер.

— Опять разгонной нет? Что? Велел срочно позвонить? Лады.

Снова набрал номер.

— Слушаю, товарищ Первый. Какой погром? Ах, из этого дома позвонили... Да, кое-что пришлось поломать. Война без потерь не бывает. Не успел позвонить, согласовать. Счет шел на секунды. Да, да. Оперативное донесение. Приеду, разберусь, кто да кто. Пока известен лишь один — Фармацевт.

Он с удивлением услышал, как полковник булькнул горлом и словно захлебнулся.

— Ты посмел взять Фармацевта без моего разрешения? — злое заговорил тот. — Как, как... И этих ломовиков из ОМОНа подключил, ворвался... в чью квартиру! Самовольство, разгильдяйство!

— Да погодите, — капитан искоса смотрел, как выносят последних «бомбардиров». — Разве на него требуется особое разрешение?

— Поймешь потом. Срочно вези в райотдел, я сейчас подъеду. Он не ранен? — заботливо спросил полковник.

«Почему он не спросил, не ранен ли кто из наших? — с горечью подумал капитан, кладя трубку. И вдруг его осенило: — Да ведь «наши» для него как раз Фармацевт и его шайка!»

Давно копившиеся подозрения вдруг обрели осязаемую форму. Факты и фактики складывались в яркую четкую мозаику.

«Значит, и он. А если даже нет, то выполняет чье-то указание свыше, что еще страшнее. Позвонить сейчас министру? А что скажу, даже если удастся пробиться? Велят написать докладную, действовать по субординации. А эти...»

Он перевел взгляд на стоявших перед ним девушку и юношей — сникших, вызывающих щемящую жалость. «На волосок от гибели. Но они еще не знают главного...»

Мысль напряженно работала. Сообщения в уголовном мире летят в тысячу раз быстрее, чем ползут официальные докладные. Уже сегодня ночью вся паучья сеть придет в движение. Откуда будет нанесен удар? Неизвестно. Но удар точный и эффективный. Начальник отстранит его от следствия, займется лично. Начнется волокита, крючкотворство. Костю выпустят под благовидным предлогом, потом его «бомбардиров». А что станет с этими?

— Говори, — обратился он к Игорю. — Коротко, сжато. Без темноты, о тебе я уже знаю, Потребитель.

Игорь долго не говорил: не давала боль в разбитых губах.

— Ты плюнула в лицо Фармацевту? — Мешков повернулся к девушке.

— А что мне оставалось делать? — посмотрела она исподлобья.

— Единственное: плюнуть негодяю в морду.

Капитан застонал, как от зубной боли.

«Она подписала свой смертный приговор. Ее достанут и в женской зоне, и в камере-одиночке. Этим тоже не помилуют...»

Шум на лестничной площадке вдруг утих, и в квартиру тяжелым шагом вошел Фефимыч. Он был в плаще и вязаной кепочке, хорошо знакомой массам, руки держал в карманах. При его появлении Мешков невольно встал — оказалась многолетняя привычка тянуться в струну при виде высокого начальства. Хотя уже знал, чья это квартира.

Остановившись посреди гостиной, Фефимыч молча окинул хмурым взглядом разгром, потом перевел взгляд на Мешкова, стоявших перед ним молодых людей. Ему позвонила Лика и сказала безжизненным голосом:

— Ты соучастник. Я тебя презираю.

Шагнул к столу и взял пистолет Игоря, забытый в суматохе, покачал на ладони, губы его скривились.

— Наверное, мне следовало бы застрелиться, — голос его звучал устало.

Мешков потянулся и отобрал у него пистолет.

— Только не из него. Для таких целей у вас есть служебное оружие.

Фефимыч удивленно посмотрел на него, словно очнулся.

— Но я стреляться не буду. Нет, не буду. Я хочу, чтобы судили сначала тех, которые внушили мне чувство безнаказанности за все, что я делаю во имя коммунизма и светлого будущего. Не было у нас никаких грехов... только один грех считался самым тяжким — усомниться в справедливости единственно верного учения. Делай, Федя! Надо. И мы делали, осененные его белой холеной бородой, и вели народ туда, куда указывал короткой ручкой его апостол.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге поднял томик с золоченым обрезом.

— Так и не прочитал ни одного классика, все на потом откладывал. Может, открылись бы глаза...

После его ухода в комнате повисло гнетущее молчание. Его нарушил Игорь.

— Если у вас нет машины, можете взять нашу, — обратился к Мешкову. — Все равно конфискуете. Ведь нас, как я понимаю, осудят.

— Где она? — встрепенулся капитан.

— Стоит на той стороне улицы.

— Тогда по коням!

— А наручники? — криво усмехнулся Игорь.

— Обойдемся. Только не пытайтесь драпать, — голос капитана зазвучал проникновенно. — Очень вас прошу, ребята.

Те нерешительно направились за ним.

У выхода Мешков обратился к усатому мужчине:

— Вы старший? Никого не выпускайте, сейчас сюда приедут.

Мешков быстро вел машину, держась за рафиком. Все молчали.

«Блюстителю закона! — злобно думал капитан. — Но что блю-

сти, коль законов нет? А те, что есть, не действуют. Самые эффективные и грозные законы в стране — воровские. Вот по ним эти ребята уже приговорены — подписано и обжалованию не подлежит. А я послушно доставляю их к месту казни. Итак, верный блюститель воровских законов. Парадокс, как сказал бы Серега...»

Рафик повернул к высокому серому зданию, въехал во двор. Мешков затормозил, приткнулся к обочине.

— Сынок, — обратился он к сидящему рядом Игорю и сам удивился, как легко сырвалось у него это слово. — Вот что я тебе скажу, сынок. Вы ввязались в опасное дело. Вы даже сами не понимаете, какое оно опасное. А может, уже сегодня поняли. То, что вас поймают и посадят, не страшно. Страшно то, что потом начнется. Это я говорю, можете мне верить.

Он открыл дверцу, вылез из машины. Нагнулся и сказал:

— Завязывайте, ребята. А еще лучше, если на время уедете отсюда. Надолго. Или навсегда.

— Вы нас отпускаете? — вскрикнула Ванда.

— Да, отпускаю. Но если начнете снова, я уже не смогу вас прикрыть. Понял, сынок?

Станным взглядом он смотрел прямо на Игоря. Тот прошептал разбитыми губами:

— Спасибо... Мы... будем всегда помнить.

Стоя под косыми струями холодного осеннего дождя, капитан Мешков смотрел вслед удаляющимся красным огонькам.

— Так говоришь, его надо избрать мэром города? — пробормотал он, обращаясь к невидимому собеседнику. — Что ж, возможно, когда-нибудь изберут;

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

ПРОЕКТНО-ИЗЫСКАТЕЛЬСКАЯ, СТРОИТЕЛЬНАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА «ИЗЫСКАТЕЛЬ»

РАБОТАЮЩАЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ
И ДОГОВОРНЫМ ЦЕНАМ

ПРЕДЛАГАЕТ предприятиям, организациям, совхозам, колхозам, кооперативным формированиям, садоводческим товариществам, отдельным гражданам и иностранным фирмам

СЛЕДУЮЩИЕ УСЛУГИ:

- инженерные и линейные изыскания (геодезия, топография, инженерная геология с полевыми методами исследования грунтов, гидрогеология);
- разработка комплектной проектной документации для строительства объектов агропромышленного комплекса, жилья, соцкультбыта, семейных ферм, садоводческих товариществ, инженерных сетей, проектов мелиорации;
- проектирование и бурение артезианских скважин;
- бурение скважин индивидуального пользования (от граждан принимаются коллективные заявки на 5 и более скважин);
- изыскания и проектирование автомобильных дорог;
- все виды разбивочных и трассировочных работ.

Работы выполняются по передовой технологии на современном оборудовании квалифицированными специалистами в согласованные с Заказчиком сроки.

Наш девиз: **СЖАТЫЕ СРОКИ С ГАРАНТИЕЙ КАЧЕСТВА!**

Фирма на договорных условиях может продать:

Буровой станок УРБ-3М

Буровой станок УРП-15

Установку статического зондирования УСЗ-15 (прицепная новал)

Автомобиль ГАЗ-69

Справки по телефону 267-69-37

Для заключения договора необходимо обращаться по адресу:
г. Москва, Бакунинская ул., дом №8, пом. 1, под. 1.

Телефоны: 267-71-62

267-69-37

